

STALKER

Алексей Сидоров

ЭВАКУАЦИЯ

Апокалипсис-СТ

Алексей Сидоров

Эвакуация

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сидоров А. В.

Эвакуация / А. В. Сидоров — «Издательство АСТ»,
2021 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-136832-6

Кошмарный автобус-призрак колесит по Чернобыльской зоне отчуждения. Его боятся как огня, ведь стоит транспорту появиться у ворот базы — все ее обитатели исчезнут вместе с ним. И никто никогда их больше не увидит. И лишь сталкер Сокол ищет встречи с автобусной версией ладьи Харона. Знает, что транспорт связан с исчезновением отца и сестры во время эвакуации из Припяти в далеком 1986 году. Чтобы разгадать страшную тайну и спасти близких, Соколу придется вернуться в самый эпицентр кошмара, разрушившего жизни сотен тысяч людей на планете. К Чернобыльской атомной электростанции. Как раз перед тем, как она взорвется...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136832-6

© Сидоров А. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Сидоров

Эвакуация

Пролог

Автобус

*Чернобыльская зона отчуждения,
база клана «Тень», наши дни*

– Посвети-ка сюда! – бросил Володька второму постовому. – Это еще что за?..

Окончание фразы повисло в воздухе – с ходу описать то, что стояло у КПП базы, было и просто, и сложно одновременно.

С виду – обычный автобус. Но как он мог подъехать к шлагбауму так, что ни Володька, ни напарник Антон ничего не услышали?! Антон, вон, аж рот открыл от удивления, а у него слух отменный. Плюс ведь снега еще навалило столько, что даже «уазик», имевшийся на базе, временно встал на прикол. Расчищать дорогу ради одной машины – для сталкерской базы слишком дорогое удовольствие.

Но автобус, который стоял перед шлагбаумом, будто издевался над самой матушкой-природой. Насколько видел Володька, транспорт даже не оставил колеи, подъезжая к контрольно-пропускному пункту.

– Что это? – спросил Антон.

Напарник вскинул «калаш», навел на автобус. Точнее – *призрак автобуса*.

Володька не ответил, тоже поднял автомат, на ходу соображая, что сделать в первую очередь – осмотреть необычный объект или сразу же доложить начальству. Решил, что не стоит почем зря беспокоить главу базы Бугра. Тот нынче не в духе – альфа-собаки оголодали на морозе, начали чаще нападать на лагерь. За последние пару дней сразу двух человек загрызли.

Глядя на разбитые фары автобуса, Володька подумал, что скоро и сам может стать жертвой. Но не альфа-собак, а... транспорта-призрака.

Луч фонаря выхватил из темноты выпуклый остов – ЛАЗ¹, что ли?! Причем старая модель. Такие автобусы на ходу уже давно не встречались, а вот ржавых и фонащих радиацией – в избытке. На кладбище техники, где их бросили гнить после аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Стоящий у шлагбаума ЛАЗ выглядел так же, если не хуже. Корпус закопчен, будто автобус ехал маршрутом Припять – Ад. Уже после огня его изрядно поела ржавчина, а еще – дырки от пуль.

– Откуда он здесь взялся? – спросил Антон. Он был на два года младше напарника, хотя Володьке самому едва исполнилось двадцать пять. Обоих юных сталкеров как глазастых салаг определили на охрану въезда.

– Да почему мне знать-то?! – буркнул Володька.

Оба медлили, не решаясь подойти к ЛАЗу.

Володька вспомнил, что еще пять минут назад светил на дорогу. Там ничего не было. Абсолютно. А сейчас – ЭТО.

Сделал вдох-выдох, собираясь с духом. Не следовало трусить перед подчиненным. Он старший караульный на КПП и должен взять ситуацию под контроль.

¹ Имеется в виду продукция Львовского автобусного завода (ЛАЗ).

– Я проверю! Прикрой! – приказал Володька напарнику.

Антон глянул в оптику: на месте водителя – бездонная чернота. Лобовое стекло с этой стороны разбито, будто тот, кто был за рулем, решил выйти через него, причем на полном ходу.

Володька сделал шаг к автобусу, почувствовав, как спина покрылась мурашками. Не хотелось ни о чем думать – только бежать, спастись!

А еще ему показалось, что на улице стало холоднее. Градусник утром показал минус семь, яйцами молодой человек ощущал все тридцать, если не больше.

Поежился.

Поднял воротник.

Размял пальцы.

– Да-а... – протянул Антон. – Ты там это, того, ну, поосторожнее. Как он вообще подышал, что мы его не слышали?

«Вот и я об этом думаю – как?» – пронеслось в голове у Володьки.

Желание бежать без оглядки усилилось, став нестерпимым – кровь стучала в виски, в горле раскинулась Сахара местного масштаба. Было что-то в этом автобусе неестественное и страшное даже для такого жуткого места, как Зона. Не секрет: когда годами живешь в Аномальной Зоне, то постепенно свыкаешься с обстановкой. И все опасности начинаешь воспринимать как вполне себе обычные и предсказуемые. Даже мутанты – просто последствия хронического действия больших доз радиации. Типа жили себе обычные псы, а потом авария – и постепенно стали альфа-псами. По сути, та же животина, только посильнее да поуродливее. Но эта штука, которая стояла у ворот, она не просто опасная...

Потусторонняя.

Ствол автомата дернулся, когда что-то мелькнуло со стороны водительского места. Володька едва не разрядил обойму, пока не сообразил, что это – лишь отражение от фонарика в осколках стекла.

Парень выдохнул, облизал губы.

– Чо, в штаны наделал? – спросил Антон.

– Свой проверь! – огрызнулся старший караульный.

Еще не хватало, чтобы напарник потешался. Володька быстрыми шагами приблизился к транспорту.

Судя по всему, автобус раньше был белым с полосами то ли зеленого, то ли синего цвета – сейчас уж не разобрать толком.

Завороженно потрогал капот – на пальцах осталась сажа.

«Он что, правда горел?!»

– Что там? – нервно брякнул напарник, но Володька поднял кулак, показывая, что стоит помолчать, пока он не поймет, что за чертовщина здесь происходит.

Парень приподнялся на носки и заглянул внутрь салона через разбитое стекло – внутри темно, пассажиров не видно. Если кто и приехал в автобусе, то они наверняка уже рассредоточились по округе.

Караульный вздрогнул.

«Блин, нас же могли уже окружить и взять на мушку», – подумал он.

Луч света за спиной качнулся.

Фонарь напарника упал в снег и теперь выхватывал из темноты только ноги Володьки и номер автобуса «999».

«Почти как три шестерки!»

– Антон, какого черта?! – Володька обернулся, но... напарник исчез.

Только его фонарик на снегу.

– Кто здесь? – Володька повел стволом в одну сторону, потом в другую. Никого! И – тишина. Абсолютная. Даже обычные звуки леса вроде поскрипывания деревьев на ветру и крики редких птиц стихли. Не завывала, как пять минут назад, метель.

Абсолютный штиль!

– Анто-о-он! – позвал Володька. Звук голоса будто тонул в ворсе невидимого ковра, не проходя дальше нескольких сантиметров возле рта.

Парень рванул к фонарику напарника, схватил его. Снова оглянулся, освещая черные ветки, которые в темноте напоминали пальцы ведьмы.

Никого!

Бросился к будке, стоявшей сбоку от шлагбаума. Включил рацию, но та не издала ни звука. Покрутил частоты – ничего! Даже помех нет.

– Кто-нибудь меня слышит? Волос, дай мне Бугра! Срочно! Во-олос! Фонарщик, да хоть кто-нибудь, а! Да где же вы... чер-р-рт!

Без толку. Рация, видимо, сломалась.

Проверил отсек с батарейками – все на месте. Но по-прежнему ни звука из рации. А еще и Антон пропал.

Снова выглянул на улицу и позвал напарника:

– Анто-он!

Нет ответа.

Блин, как сгинул. К мурашкам на спине добавилось подрагивание лодыжки – мышца сходила с ума. С Володькой такое уже бывало. Когда встретился лицом к лицу с высью. Страшная зверюга, особенно когда тебе восемнадцать, а в руках только нож. Спасли тогда его старшие ребята, уже сталкеры, получившие собственные клички.

«А сейчас, кто спасет меня сейчас?» – подумал парень.

– Кто? Кто здесь? – крикнул он в темноту.

И на что он, собственно, надеялся? Что ему прямо сейчас ответят: «Да. Это мы, призраки да вурдалаки, явились за тобой на шикарном автобусе. Залезай, братишка! Прокатим с ветерком!»

«Куда?» – спросит он.

«В ад!!!» – будет ответ.

– Кто здесь?! Отвечай! – Володька постарался добавить брутальных ноток в голосе. Вышло жалко. – Или – буду стрелять!

Вспышка света в автобусе.

Он смутно осознавал, что стрелять по тому, что ты не видишь и, более того, не понимаешь, – не лучшая идея. Но все равно не сдержался – загрохотал автомат. Пули дырявили капот, крошили лобовое стекло автобуса, вырывали клочья синтепона из водительского кресла. Даже табличка «Заказной» разлетелась в щепки.

– А-а-а!!! – кричал Володька.

Стрелял до тех пор, пока не кончились патроны.

«Черт? Где же запасная обойма? Где она? Должны быть в будке. Точно где-то там! Антон всегда оставлял их на виду – на всякий случай».

Шорох за спиной. Парень, который уже зашел в сторожку, тут же вскинул автомат, но никого не увидел. Пусто. И опять же – ни звука. Как в чертовой могиле!

– Я буду... буду стрелять. Да-а! У меня еще есть патроны. Е-есть! – Володька развернулся ко входу в будку, держа его на прицеле, чтобы никто-никто не посмел напасть со спины, а другой рукой шаря по столу.

«Вот и патроны. Отлично!»

Парень быстро вставил новый магазин, передернул затвор.

– Ну, все! берегись! Я иду! – сказал сталкер и вышел на улицу.

Но возвращаться к автобусу не хотелось – и так высадил в него обойму, а тот стоит себе, как ни в чем не бывало.

«И что делать?»

«Что?! Самое разумное – бежать!»

«А что я скажу на базе, почему оставил пост?! Нет, надо все-таки проверить автобус... Иначе – Бугор с меня три шкуры спустит».

Справа! Какая-то тень.

Володька застрочил в ту сторону – и опять пули ушли в никуда. Никого не зацепил, никого не убил! Ладно хоть обойму всю снова не высадил.

«К черту! Надо драпать отсюда!» – подумал парень и быстро развернулся, готовясь бежать к базе. Да, ночью, да, по занесенной по колено дороге – лишь бы быть подальше от явившегося кошмара.

Но за спиной его ждало нечто такое, что заставило закричать во всю глотку. Володька даже успел снова выстрелить, только это ему не помогло.

Истошный крик погасила мгла.

Бесполезное оружие упало в снег.

Автобус мигнул фарами и зарычал, будто голодный зверь, готовящийся растерзать добычу. Проломив бесполезный шлагбаум, ЛАЗ покати к базе.

Часть первая

Начало маршрута

Глава 1

Ни Пуха...

*Чернобыльская зона отчуждения,
болота, наши дни*

Незнакомец в тулупе даже не знал, что за ним наблюдают. Пыхтел себе, выдыхая клубы пара, будто паровоз. Еще бы, с его-то весом! Отсюда не было видно лица человека, который смотрел на мое убежище – избушку, возвышающуюся на сваях над болотом. Правда, нынешней зимой все равно снегу намело столько, что наст практически сравнялся с уровнем пола.

Незнакомец, традиционно для Зоны вооруженный «калашом», медлил. Чего-то ждал. Высматривал меня? Но для чего? Хотел убить?

Да кому я, собственно, нужен?! Уже лет пять, как живу затворником в здешней глуши – с тех пор, как поиски семьи зашли в тупик. Мне стало проще общаться с мутантами, чем с людьми. Никого и видеть-то не хотел!

Мистер Тулуп вздрогнул. Что-то услышал. Еще бы – он-то не видел, а я заметил, как огромная тень скользнула к незнакомцу.

«Может, и вмешиваться не стоит?!» – подумал я.

Медведь. Радиация изменила ген, отвечающий за массу тела, вот зверь и вымахал размером с небольшого слона. А тут еще выброс недавно был, так что традиционная спячка на время отменилась. Твари вылезли на поверхность. Голодные и злые.

Незнакомец как раз кстати – можно и стрелы не тратить.

Ослабил тетиву. Стрелы хоть и не патроны, но тоже требовали заготовки. Тем более, делал я их из определенного сорта древесины, за которым приходилось топать практически к самой Припяти. Куда возвращаться особого желания не было – слишком много воспоминаний. Слишком!

Под мышками вдруг проступил пот. Да черт, я весь взмок! С чего бы? Никогда тварей не боялся, да и чужаков тоже. Не зря же мне дали кличку Сокол, когда еще ошивался в сталкерском лагере. Я мог с расстояния в несколько десятков метров пробить глаз альфа-псу. Да блин, там большая часть бойцов с «калашами» так не обращались, как я с луком.

Тулуп заметил зверя. Тот его тоже – послышался низкий и утробный рык. А еще завоняло, будто кошка сдохла. Похоже, радиация разлагала внутренности медведей, поэтому в пищу я их обычно не использовал. Предпочитал охотиться на зайцев. Те хоть и отрастили такие зубы, что могли запросто руку оттяпать, но все же были намного ближе к предкам по размерам, чем этот слоняра – к медведям.

Незнакомец закричал – не «Спасите!», не «Помогите!», а конкретно обратился ко мне – «С-со-окол!».

Я что, блин, Красный Крест?! «Голубые каски»?!

Зато с голосом все ясно – старый знакомец Пух явился.

Кличка как у персонажа детской сказки. Такой себе Винни-Пух, весом килограмм в сто двадцать, не меньше. Сталкер, с которым в прежнее время на базе кроме меня никто толком и не общался. Стрелял он неважно, зато готовил отменно – вот Пуха и определили поваром в местную столовую. А еще он часто заикался. Особенно – когда волновался.

«Твою мать, какого хрена его сюда принесло?!»

Медведь бросился к сталкеру. Жить тому осталось пара секунд. И то – максимум! Можно выстрелить из лука, но вряд ли завалю зверя с одной стрелы, а на несколько нет времени.

Решение приходит мгновенно.

– С-со-окол! – кричит Тулуп, подняв автомат и паля в мутанта, но тому выстрелы, что комариные укусы.

– Да-аштабтибя! – бурчу я и посылаю стрелу в нужный колышек, торчащий над снегом. Свист – и грохот.

Опушка на миг исчезает в вихре взметнувшегося в воздух снега.

Вместе с медведем и толстяком.

Бросился к сработавшей ловушке.

– Руку давай! – протянул я ладонь Пуху.

– С-сокол! Ты... ты меня чуть не убил!

– Убил?! Да я спас тебя, придурошного. Тебя медведь чуть не слопал, ты не заметил?

Кивнул на труп мутанта. Прямо на толстяка уставились остекленевшие глаза монстра, упавшего аккурат на острые колья, которые я вбил в яму. Вокруг Берлоги таких ловушек – уйма. Еще удивительно, как Пух сумел обойти висящее полено, веревка от которого тянулась поперек тропинки. Видимо, повезло – сомневаюсь, чтобы он его заметил.

– «Спас»?! Это так называется, да? Так ты старых друзей встречаешь?

– Ну-у... как хочешь. – Я сделал вид, что передумал вытаскивать знакомого из ямы. Тем более – никаких «старых приятелей» в нашем случае не было и быть не могло. Завязал я с этим.

– Ну, п-погоди, п-погоди, не ду-дуйся, С-сокол! – занервничал толстяк. – У ме-меня ведь разговор к те-тебе есть!

Жертва неудачного нападения мутанта протянула руку – этого только не хватало!

– Вот только давай обойдемся без этого. Я ведь не зря здесь, в глуши, поселился. Как раз чтобы избавить себя от бесконечных разговоров и всяких там «старых друзей», – сказал я, но руку все же протянул, вытащил Пуха из ямы. Тот сразу завертелся на месте, осматривая себя – нет ли ранений?

– Ты ведь мог меня у-убить. Мог ведь, д-да?

– Я все рассчитал!

На самом деле – чистое везение.

– «Рас-считал»?! А е-если бы ты... если бы т-ты ошибся в ра-расчетах?

– Ну, что же, тогда мяса в моем холодильнике бы значительно прибавилось. С этого зверя, – я ткнул пальцем в тушу псевдомедведя, – все равно ничего не взять – чувствуешь, как смердит?

Толстяк будто только что почувствовал запах – сразу прикрыл нос рукой.

– Ненавижу этих тварей! – фыркнул он.

– Они, думаю, тебя тоже! – сказал я. – Помоги-ка мне вытащить мишку из ямы.

Спрыгнул в яму и подцепил тушу. Вместе мы выволокли монстра, после чего я прикрыл ловушку накидкой и присыпал снегом.

– И м-много у тебя тут таких на-наставлено?

– Ты как раз стоишь у одной! – ухмыльнулся я.

Пух обернулся, но ничего не заметил. Пришлось показать на ветки, среди которых торчала стрела арбалета. Собственно, еще шаг – и сталкер получил бы стрелу в глаз.

– Че-черт! Да ты из-издеваешься, д-да?!

– Ты просто слишком давно у меня не был, – буркнул я и побрел к Берлоге.

Толстяк двинулся за мной.

– Отсчитай пять шагов и переступи через сугроб!

– А что там? – испуганно спросил Пух.

– Тебе лучше не знать!

Он не стал спорить – поспешил за мной, дотошно выполняя указания.

– А теперь – пригнись, как я!

Толстяк не сразу заметил невидимую леску, которая тянулась к гранате. Я нечасто, но использовал современное оружие. Просто с автоматом обращаться так и не научился, а вот школа стрельбы из лука очень пригодились, поэтому стал первым в округе сталкером, который освоил именно этот вид оружия. И хорошо освоил, надо сказать!

– Вотжеш! – буркнул толстяк, входя следом за мной в жилище.

Внутри пахло сушеным шиповником и мятой – все, как мне нравится. Вечером такой чай – самое оно. До жизни в Зоне очень любил кофе, потребляя его литрами, но тут хороший кофе днем с огнем не достать. А та параша, которая попадалась от торговцем хабаром, напоминала разведенный в воде уголь.

– Чаю нальешь? – с надеждой спросил Пух. – Ну, с-своего фирменного.

– Смотря как вести себя будешь.

Я прошел в сени, снял пальто. Черное, стильное и при этом теплое – длиной почти в пол. Досталось от ошалевшего бандюгана, которой сунулся было по моим следам в позапрошлом году. Вальнул бедолагу тихо и без шума – тот даже заметить не успел, откуда стреляли.

Колчан со стрелами и лук примостил рядом с одежкой.

– Все с ним ходишь, да? – Пух попытался завязать разговор. Видно, что толстяк явился не просто поболтать, а по срочном делу.

– Так зачем ты приволокся? – спросил я, усаживаясь за дубовый стол, на котором пытел самовар.

– Ты вроде чаю обещал... – снова с надеждой попросил толстяк.

– Придется налить...

– А баранок нету? – спросил он.

– Тебе бы худеть, а не баранками закидываться.

– С-спасибо и на том... Я, С-сокол, ва-ваще-то по делу!

– По важному, надеюсь?

– По тому, что те-тебя т-точно за-заинтересует...

Да и что же это такое-то может быть, что не интересовало все последние годы, что я здесь, а тут вдруг – бах! – и?..

Не договорил, потому что по спине пробежал холодок. Мысленно уже был готов к тому, что скажет Пух...

Всего два слова:

– С-снова на-началось!

* * *

*Припятъ, администрация города,
27 апреля 1986 года*

День у Сергея Андреевича Елизарова, заместителя главы администрации Припяти, не задался с самого утра. Вчера что-то случилось на ЧАЭС, но никакой информации – что именно. Ходили слухи об эвакуации, но ничего толком не сообщали. Еще бы – станции намеревались в этом году присвоить орден имени Ленина, и любые внештатные ситуации грозили серьезными проблемами. Да и вообще, как может случиться что-то из ряда вон выходящее на АЭС в Советском Союзе – мы же коммунизм строим?! Не может такого быть! Просто не может!

В кабинет заглянула секретарша:

– Сергей Андреевич, тут люди волнуются! – женщина прикрыла за собой дверь. – И это, Москва на проводе... вас требуют!

– Да, сейчас, секунду!

В воздухе витало напряжение. Казалось, он нынче состоял из атомов железа, которые разом обрушились на многострадальный остеохондроз чиновника. Груз ответственности грозил прихлопнуть Елизарова прямо на рабочем месте.

– Сергей Андреевич! – настаивала секретарша. – Москва не будет ждать.

– Да знаю я, знаю... сейчас! – В трубке появился взволнованный голос медсестры. – Что вы говорите? Во сколько? В семь пятнадцать?

Сергей Андреевич промокнул пот на затылке. Хотелось скинуть надоедливый костюм, но день, как назло, только начинался.

– Мальчик?! А вес? – Елизаров вдруг расцвел и даже улыбнулся секретарше, которая уже была готова провалиться сквозь землю. Зашептал мимо трубки: – Мальчик! Здоровенький! Три пятьсот!

Подчиненная улыбнулась в ответ, поняв, о чем говорит шеф. Подняла большой палец вверх, а потом снова кивнула на телефон.

– А теперь – соединяй! – выдохнул Елизаров, ответив, пожалуй, на самый важный звонок в жизни. Ну, после предыдущего, естественно. – Да, прошу прощения за ожидание – жена только что родила. Елизаров у аппарата! Слушаю вас... Да, конечно, слышал про аварию, но не в курсе, что там конкретно произошло...

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
болота, наши дни*

– Не, больше я на это не куплюсь. Пробовал уже... Дважды, между прочим!

– Т-ты что, ра-азве перехотел найти с-свою се-семью? С-сокол, ты че-чего?! – Толстяк упорно давил на больные мозоли. Только вот я не собирался больше испытывать судьбу. Дважды у меня был шанс – и оба раза мимо. Только чуть голову не сложил. Особенно – последний раз, когда в исчезновении сталкеров обвинили меня. По Зоне была объявлена полномасштабная охота, а награду за мою голову назначили такую, что даже Пух присвистнул, увидев сумму в ориентировке. Собственно, после этого я и залег на дно – ушел на болота, сколотил Берлогу.

Один Пух и знал, как к ней добраться. Почему доверился ему? Сложный вопрос. Наверное, потому, что он напоминал меня в детстве – такой же неуверенный в себе толстячок, который никак не мог справиться с лишним весом, но все время искал на пятую точку приключений.

В прошлые разы Пух тоже составлял компанию. Вместе мы прошли огонь и воду, только вот на напарника никто не вешал убийство сразу пятидесяти трех человек из лагеря «Гром». Как я умудрился за пару часов избавиться от такого количества трупов – никого, видимо, не парило. Было бы на кого свалить то, что нельзя объяснить словами.

Военные сталкеры, действующие в Зоне по приказу правительства, быстренько подключили военную спутниковую сетку, отслеживая меня в тех местах, где связь работала. Пришлось уйти туда, где ее не было. На болота. Тут аномалии не только на земле, но и в воздухе, поэтому даже вертолеты сюда не совались. Даже думаю, что военсталы знали, где я скрываюсь, но просто лезть в гиблые места особого желания не было.

– И чего ради я должен снова рисковать жизнью? – спросил я. – Меня вот до сих пор ищут, да?!

Пух отрицательно покачал головой, но при этом предпочитая не смотреть в глаза:

– Теперь то-точно есть ш-шанс...

– С чего это ты взял?

– Е-есть выживший, – Пух взял паузу, будто факир перед эффектным фокусом, – с-свидетель!

У меня чуть челюсть не отвисла: это в корне меняло ситуацию.

Глава 2

Новые обстоятельства

*Приять,
администрация города,
27 апреля 1986 года*

Вроде выходной, а в приемной очередь, как в понедельник утром.

– Гриша, дорогой! Зайди... да, срочно... да знаю я, что очередь с километр. Я тебя встречу. Да, прямо сейчас!

Сергей Андреевич бросил трубку и подхватил под руку очередного посетителя. Старичок просил разобраться с надбавкой к пенсии, а он его огорошил насчет эвакуации. Какая сейчас надбавка?! Естественно, пожилой горожанин заявил, что, дескать, никуда не поедет. «Под Сталинградом выстоял, а тут и подавно» – так и сказал. А еще добавил, что три дня потерпит, «никуда не денется», даже если все уедут. Только вот Сергей Андреевич подозревал, что дело несколькими днями не ограничится. Слишком уж серьезный был тон у начальства, таким раньше читали приговоры. Те, что к высшей мере.

– Да, конечно, спасибо, что обратились. Надеюсь, я вам помог! – нервно улыбнулся Елизаров. Старик глянул на него так, будто чиновник и был тем самым фашистом, с которым ему приходилось биться под Сталинградом. – Да, правда-а... я-то что здесь могу поделаться?! Москва сказала...

– Вы можете! Вы многое можете! – ворчал старичок, выходя за дверь. А из-за нее в кабинет чуть не бросилась следующая посетительница – дама лет сорока с рыжей собачонкой на руках.

– Погодите! Срочное производственное совещание! – остановил даму Сергей Андреевич, пропуская вперед водителя Гришу. Тот виновато улыбался, пытаясь пузом, словно носом баржи, проложить курс посреди толпы. Удалось с трудом – Григорий, обливаясь потом, ввалился в кабинет. После чего замглавы захлопнул дверь. Провернул ключ. С другой стороны двери недовольно загалдели – ничего, обождут пару минут!

– Что такое, Сергей Андреевич? Что за срочность? Сегодня все и так будто с ума посходили...

– Такое дело, Григорий Федорович! – Елизаров всегда обращался к водителю по имени-отчеству, когда дело было важное. Резко сбавил громкость до шепота: – Нужно сгонять до роддома. Забрать Викторю Андреевну....

– Жену вашу?

– Да!

– Что, родила-таки?

– Да, недавно совсем. Мальчик. Три пятьсот – сокол будущий!

Водитель присвистнул, а потом резко погрузнел:

– Нам так-то не велено никуда отлучаться. Говорят, сегодня всех вывозим. Все машины под учетом.

– Да, есть такое, но, Гриш, тут я беру полностью ответственность на себя. Если что – сваливай все на меня. Подпишу маршрутный лист, любые бумаги, только вывези их отсюда, ради бога!

– Что, все так плохо?

Сергей Андреевич сжал губы.

– Да кто же его сейчас разберет, Гриш. По уровню радиации ничего конкретного. Могут схватить дозу – мама не горюй. Выручай!

Водитель на секунду замер, потом кивнул.

– Только всем буду говорить, что ваше личное распоряжение. Бумагу-то дадите?

Замглавы протянул документы.

– Вот! Должно хватить, если будут тормозить на кордоне.

Водитель посмотрел на подпись, снова кивнул. Сергей Андреевич похлопал подчиненного по плечу и спросил:

– Жена не в городе?

– Да как чувствовала – уехала к сестре погостить.

– Вот и славно, вот и хорошо. Нечего ей сейчас здесь делать. И сам тоже – отвезешь моих в Киев, там и оставайся. Скажи, что тоже мое распоряжение.

– Под суд же попадете, Сергей Андреевич.

– Ничего, прорвемся как-нибудь! – ответил чиновник. – Мне еще Катюшу надо забирать. Одна сегодня дома... Звонил, а ее, как назло, нет. Гуляет.

– Может, мне ее тоже увезти?

– Нет, не задерживайся – сам заберу. Могут перекрыть все... – прошептал Сергей Андреевич. Потом проводил водителя из кабинета, на прощание не только пожав Грише руку, но даже обняв его, чего раньше за чиновником никто не замечал.

Елизаров сделал длинный выдох.

Дама с собачкой снова намеревалась просочиться в кабинет, как на пороге возник начальник местной милиции. Хорошо хоть Гриша успел скрыться с горизонта – надо держать за него кулачки.

– Сергей Андреевич, дело срочное... – начал милицейский чин.

Замглавы кивнул – даме с собачкой пришлось ждать еще полчаса.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
болота, наши дни*

– В вашем лагере, говоришь, держат?

Пух кивнул, даже не заметив, что я сказал «ваш» вместо «наш». Я уже не считал сталкерский лагерь своим домом. С тех пор, как каждый, кто умел держать оружие, посчитал долгом найти меня и доставить к военстамам.

– Завалиться по-доброму не получится, так?! – спросил я толстяка. Тот отрицательно покачал головой. – Ясно! Может, и не стоит тогда?!

– Но т-там ведь...

– Что там? – Я едва сдержался, чтобы не стукнуть кулаком по столу. – Я уже пробовал. Дважды! И все два раза – псу под хвост. Ничего. Абсолютно. Только дополнительный геморрой, если это вообще можно так назвать.

Непроизвольно коснулся правого бока. Там, под рубашкой, заныл шрам от пулевого ранения – как раз последствие прошлой попытки докопаться до правды.

– Не-е... – прошептал я. Налил себе чаю, а до кучи – Пуху. Тот удивился щедрости – начал жадно пить. – Автобус этот – блин, он как призрак. Приезжает, когда ему надо, и уезжает тоже...

– Не-не п-просто уезжает, – напомнил Пух.

Действительно, «не просто». Если так можно назвать исчезновение целого лагеря – всех сталкеров вместе с торговцами и начальством.

– Опять все пропали?

– Д-да, – кивнул Пух. – Будто ис-испарились. Р-раз – и н-нету. Та-такое чувство, что прилетела та-тарелка инопланетянская, врубила л-луч – и ра-разом всех за-засосала к себе.

– И ты веришь в такую чушь?

– П-поверил бы, если бы не а-автобус...

«Тот самый, – добавил я про себя. – Тот самый».

После выпуска из детдома я сразу отправился в Зону – только там мог понять, как найти папу и сестру. Найти зацепки. Но автобус, на котором родные должны были эвакуироваться из Припяти, словно канул в Лету. Исчез, так и не доехав до Киева.

– Если бы не автобус, – тихо повторил я. – А может, и нет никакого автобуса, а?

– Да-да как нет-то? Ты же с-сам го-говоришь...

– Может, просто придумал все. Принял бред за реальность.

– Н-но ведь но-номер с-совпадал, марка... Т-три де-девятки. Здесь та-такой же.

– Снова будто горевший?

Пух кивнул.

– Слушай, может, они просто сгорели... Ну, не знаю, попали в аварию на трассе. А этот... тот автобус, который является раз за разом, всего лишь призрак. Отражение.

Пух не знал что сказать – даже баранка застыла в руках.

– С-слушай, де-дело твое, конечно, – произнес он. – Но да-даже ес-сли это п-призрак – неуж-ж тебе не ин-интересно, что с-стало с родней?

Еще бы – конечно, интересно. В отличие от сверстников, у которых хотя бы были живые родители, пусть и не живущие с ними, у меня никого не было. Мать умерла почти сразу после родов, когда узнала про пропажу автобуса, в котором ехали дочь и муж. Меня, еще неразумного малыша, сперва забрали к себе дядя с тетей, а позже пристроили в детдом. Приличный, но все равно... Одиночество всегда было моим спутником. Везде и всюду. Всю жизнь!

Поэтому и хотел если уж не найти папу с сестрой, то хотя бы узнать, где их могилки. Чтобы прийти и поклониться. Всплакнуть, на худой конец. Выплеснуть скопившуюся боль.

– Я пытался... Четырежды.

– Д-да, и-именно. Четыре!!! Те-тебе не кажется с-странным, что все по-повторяется раз в несколько лет. Эт-то же – как в фи-фильмах ужасов... То-только круче!

– Ну ты скажешь, конечно...

– А че-чего?! Так ведь о-оно и есть. С-сам по-подумай!

– Это ничего не значит...

А что я еще мог ответить?! Что устал? Перестал верить? Выдохся?

– С-смирился?! – угадал Пух.

Глянул на сталкера, но не стал ничего отвечать – поднял чашку, как вдруг на улице... прогремел взрыв. Мы сразу бросились на пол.

– Черт! Гости! – процедил я, ползком подбираясь к оставленному в сених луку, а за окном уже всю шумели голоса – неизвестные противники окружали Берлогу.

* * *

*Припять,
администрация города,
27 апреля 1986 года*

Вечерело. У автобусов шумно. Многие жители Припяти – *бывшие жители* – тащили огромные баулы, хотя в радиоинструкции четко сказано: брать только самое необходимое – личные вещи, документы и продукты на три дня. Но никто из ответственных за эвакуацию не ругал тащивших лишку – все понимали ситуацию.

Водитель ближайшего автобуса поторапливал, высунувшись из окна:

– Ну, что там? Мы по графику должны уже двадцать минут назад как выехать.

– Не бухти, дорогой! Уже почти все! – сказал Сергей Андреевич, помогая молодой мамочке подняться в салон. В руках женщина держала сверток – оттуда улыбался розовощекий малыш. Сергей Андреевич тоже непроизвольно улыбнулся.

– Как зовут? – спросил он.

– Андрюшей назвали! – ответила мамочка.

– Ну, Андрюша, в добрый путь! Счастливо добраться! – сказал Сергей Андреевич, хлопнув по борту автобуса и обращаясь к водителю: – Все, закрывай! Можно выдвигаться!

Елизаров посмотрел на часы – дело к вечеру. Последняя колонна должна уйти через час, а про Катюшу до сих пор никаких известий. Да и Гриша еще не звонил – как они там, доехали ли до роддома?! Оформились?!

Полнейшая неизвестность. Как и с аварией на станции. Что случилось, какая доза радиации – никакой информации. А еще – народ не успел выехать, как уже мародеры появились. Милиция предложила ставить сигнализацию на подъездах, так ее сразу же срезали – жулики тоже хитрые, заразы. Вон, говорят, у Сергей Палыча, главы соседнего отдела, квартиру сразу же обокрали. Причем наверняка знали, что Палыч там живет, в двадцатой. Внизу ведь висели таблички со списками жильцов – сложно ошибиться.

К чиновнику подошел капитан милиции. Богдан Петров. Хороший парень, молодой еще. Только недавно получил звездочки на погонах – а видишь, как оно обернулось, такое задание подвалило, что врагу не пожелаешь! Приходится разбираться и с видимым, и с невидимым врагом.

– Ну, что там? Катюшу нашли?

Капитан покачал головой:

– Пусто!

– А во дворе искали?

– Да, все обошли. Везде заглянули, даже в канализационных люках смотрели – нет ее.

– А школа?

– И туда заходили. Да там и нет уже никого. Все закрыто, опечатано.

– Секция? Занятий сегодня нет, но все-таки...

– До спортшколы тоже дошли. Там аналогичная история. Тоже никого уже... Сергей Андреевич...

– Ничего! Сейчас у меня есть минут двадцать до следующей отправки – могу сгонять до дома, вдруг вернулась. Подбросишь?

Милиционер кивнул:

– Куда деваться – надо найти. Не бросать же ее тут.

Капитан понял, что ляпнул лишнее, – прикрыл рот рукой. Сергей Андреевич сделал вид, что не заметил фразу, хотя у самого холодок пробежал по спине.

«Вдруг с Катюшей что-то случилось?», – подумал замглавы, когда они сели в машину, а капитан врубил мигалку. Автомобиль рванул по опустевшей улице Ленина.

– Мы ее не бросим, обязательно разыщем! – решил приободрить спутника милиционер. Вышло неуверенно.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
болота, наши дни*

– Божечки, кто это? – прошептал Пух.

– Тихо ты, не высовывайся!

Сильнее прижался к полу. Вокруг пули крошили дерево – те, кто атаковал Берлогу, патроны экономить не собирались. И еще одна очевидная догадка – живыми мы с Пухом не нужны.

– Кто это? – повторил толстяк.

– Знать бы еще.

Автомат Пуха остались в сениях. Пули как раз колошматили угол – одна из них звякнула по «калашу». Тот упал на пол.

Грохнуло – входная дверь перестала существовать.

– Подствольник, – уточнил я, кивнул на другую комнату. – Давай туда, пока не порешили.

На улице пару раз грохнуло, потом что-то прошелестело и ухнуло. Затем – крики.

Улыбнулся:

– Сработали-таки ловушечки!

– Он-ни что, уж-же то-того, все?

– Да шас, разогнался. Гостей, судя по всему, много, на всех ловушек не хватит. Надо успеть к черному ходу, пока они не...

Мы были у двери, когда за ней послышались приглушенные голоса.

Не успели!

Заслонил собой Пуха и поднял лук. Как только дверь открылась – вогнал стрелу аккуратно в «забрало» шлема.

Военстал тихо вскрикнул, когда стрела пробила стекло и вошла в глаз. Автомат грохнулся на пол.

– Да-а, т-так его! – обрадовался Пух, но я видел то, что не видел напарник, – позади первого противника уже появился второй, вооруженный ручным пулеметом.

– Ложи-и-ись! – Я рванул толстяка на себя.

Мы рухнули на пол, перевернув дубовый стол. В это же время заработал пулемет.

Тра-та-та-та!

Уши закладывало от грохота, а щепки летели на нас в таком количестве, будто мы лежали под деревообрабатывающим станком.

– Да чтоб тебя! – ругнулся я и послал стрелу в колышек над дверью.

Грохнуло – подорвал растяжку, до которой военный сталкер еще не дошел.

Выглянул из-за стола – отлично! На том месте, где стоял чувак с пулеметом, – груда кровавого фарша. Где руки, где ноги – не разобрать.

– Ох, как ты-ты его! – присвистнул Пух, когда я подал ему автомат.

– Ох, как бы не они нас! – кивнул на мелькающие за деревьями тени – противники окружали нас медленно, но верно.

Встал рядом с дверью, Пух – с другой стороны. Укрытие, конечно, так себе – стену даже обычный «калаш» пробьет. Отдышаться – и срочно менять позицию. Только на какую? Даже от мебели уже ничего толком не осталось – все какие-то обломки.

– Значит, военсталы все-таки решились залезть в болота, – шепнул я, показывая на экипировку противника.

Пух внимательно взгляделся в фарш, из которого торчали обрывки одежды. Кивнул. Химзу цвета хаки и шлемы необычной формы, похожие на те, что были у космонавтов, сталкер признал сразу – такие в Зоне носили только военные сталкеры.

Причем живой я им точно не нужен – достаточно видеофиксации факта гибели «объекта». Посмотрел на видеокамеру, приделанную к шлему убитого противника, и одним движением ноги растоптал ее:

– Ублюдки! Наблюдают за нами.

– И за мной тоже? – испугался Пух.

Кивнул.

– Вот ч-черт! Черт-черт-черт! И ч-что те-теперь? Меня то-тоже грохнут, да?

– А я тебе предупреждал – не стоит сюда являться. А ты приперся.

– Ну, т-так бы-был же п-повод...

Ничего не ответил, сжал губы.

– Х-хоть бы спа-спасибо мне с-сказал – о те-тебе же з-заботился. И-информацию при-принес, – обиженно забурчал толстяк.

– Спасибо! – брякнул я. – Только наверняка это за тобой хвост – ты их и привел.

– Я?!

– Ну а кто?! Я, что ли?! Я тут пять лет кантовался – и ничего. А потом являешься ты, и – бум!

Слова смешались с реальным грохотом взрыва – нас отбросило от стены. Сверху посыпались ломаные доски. Крыша рушилась прямо на нас.

– Живой? – позвал я Пуха.

Толстяк выплюнул изо рта щепку:

– Да, хотя пи-питание у вас т-так се-себе!

– Нашел время жрать! – Я «зарядил» стрелу с увесистым треугольным наконечником.

– Эт-то что?

– Ответочка!

Пустил стрелу в шарахавшиеся между елок тени.

Бах!

Из леска слышались мат и стоны раненых.

– То-то, блин! – сказал я, когда по нам начал работать пулемет. – Черт, крупный калибр!

Пух испуганно оглянулся – выхода из избушки нет. Если не пули нас убьют, то рухнувшая крыша точно. А противник, судя по всему, оставив попытки взять Берлогу с наскока, решил нас просто расстрелять из безопасного укрытия.

Пустил стрелу в огромную тень, которая вдруг вынырнула из просеки и превратилась в бронетранспортер. Только сейчас услышал рык двигателя и стало понятно, откуда взялся крупный калибр.

– Ч-черт! У них бэтээр! – Я упал на пол, а в это время очередь прошла над головой, прошив стену от края до края.

– С-сокол, что-что д-делать будем?

Вместо ответа свистнул. Долго и протяжно.

– Ты что, ре-решил за-засвистеть их до с-смерти? Как С-соловей-ра-разбойник, да-а? – сострил толстяк.

– Типа того!

За окном мелькнула еще одна тень – по округе разнесся рык. Но уже зверя, а не двигателя машины.

– А теперь быстро – за мной! – скомандовал я, увлекая Пуха к двери.

– Ту-туда? Но т-там же...

Толстяк не успел договорить – застыл у двери, раскрыв глаза от ужаса.

Огромный медведь-мутант. Прямо у порога. Глаза монстра горели злостью, а шерсть вся в снегу и... крови. Под ногами у мутанта бился в агонии военстал, у которого по спине протянулись длинные кровавые полосы, словно со сталкера, как с апельсина, хотели снять кожуру.

Пахнуло так, будто военсталы заодно с дверью взорвали и помойку.

– Ту-тут это... – начал Пух.

– Знаю! – сказал я и ловко запрыгнул на медведя. Протянул руку толстяку: – Быстрее, залезай!

Толстяк не сразу сообразил, что надо делать. Застыл с отвисшей челюстью.

Военсталы уже очухались от внезапного нападения мишки и снова открыли огонь – пули сшибли козырек над дверью.

Грохнувшийся за шиворот Пуху снег разом отрезвил толстяка – тот схватился за мою руку, а я затащил напарника в импровизированное седло. Еле успел – медведь встал на задние лапы, беря на грудь сразу несколько пуль крупного калибра. Монстр взревел и одним прыжком оказался у бэтэера. С ходу отшвырнул машину в сторону, причем пулемет у бронетранспортера продолжал стрелять, превращая сугробы в снежный фейерверк.

– Стой! – заорал военстал, выбежавший навстречу.

Медведь его даже не заметил – на ходу растоптал сталкера.

– Так-то! Н-но, родимый! – пришпорил я «скакуна».

Пара секунд – и мы проскочили через строй нападавших, который инстинктивно распался: все же не каждый день на тебя на полном скаку летит огромный медведь-мутант с выпученными глазами и оскаленной пастью.

По плечам скользнули ветки – мы в лесу. Сзади слышались крики, зазвучали выстрелы – только уже поздно, «скаун» вместе с нами скрылся в чаще.

* * *

*Припятъ, улица Ленина,
27 апреля 1986 года*

В квартире дочки не было. Сергей Андреевич прошелся по казенной двушке, смерив туфлями залу, и заглянув в детскую. Сердце защемило – в комнате стояла маленькая кроватка с надписью «Коля». Они с женой уже знали, что назовут сына Николаем, когда тот родится.

«Надеюсь, с женой и сыном все в порядке – ну, Гриша, не подведи меня. На тебя вся надежда!» – подумал Елизаров.

Но была проблема и похуже – дочка пропала.

– Пусто! – констатировал капитан. – Я же говорил. Нет ее тут!

Сергей Андреевич, шея которого вспотела окончательно и бесповоротно, все равно методично заглянул сначала под кровать, потом проверил все пристенные шкафы – Катюши нет.

«Неужели с ней что случилось?! Я же себе никогда это не прощу. Надо было ехать домой. Первым делом. И плевать, что будет с карьерой!»

Отговорка насчет того, что ему, как ответственному за эвакуацию чиновнику, надо было срочно вывозить город, никому не поможет, если он найдет мертвое тело дочери.

Все оправдания сразу померкнут перед горем, которого...

«...которого не будет, потому что она жива! Жива!!! И не смей думать по-другому!» – велел Елизаров сам себе, перебирая в голове варианты, где сейчас может находиться Катя.

– Я проверю подвал... Еще раз! – сказал капитан – ему очень хотелось создать хотя бы видимость помощи. У самого дочка маленькая, конечно, он понимал, каково сейчас Елизарову.

Сергей Андреевич кивнул, а страж порядка поспешил на лестницу.

Милиция проверяла все возможные места, где может находиться подросток, в том числе и подвалы. Вот только смотрели ли они на?..

Чердак! Конечно же!

Дочка рассказывала, что раньше, когда была младше, с подружками любила залезать на чердак. Там они кормили голубей и играли в «домик Карлсона». Естественно, Елизаров вспыл, пригрозил, что задаст ремня, если еще раз Катя полезет на чердак. Правда, тогда Катерине было всего восемь, а сейчас почти четырнадцать – парни уже на уме, а не «карлсоны».

Но все равно она могла быть там! Стоит проверить, а капитан, как назло, уже утопал.

«Ничего, и сам справлюсь», – решил Елизаров.

Сергей Андреевич вышел из квартиры и поспешил на крышу.

Люк, ведущий на чердак, открыт, дочь наверняка там!

Сердце забилося сильнее, когда Елизаров карабкался по лестнице. На чердаке он Катю не нашел, зато нашел... прямо на крыше.

Силуэт дочери в лучах заходящего солнца. Она стояла прямо на краю и смотрела вниз, на опустевший город.

– Ка-атя! – закричал Сергей Андреевич.

Дочка будто не слышала – подняла руки в стороны. Елизаров не сразу сообразил, что она хочет сделать. А когда понял, то внутри все похолодело.

– Нет, Катя! Не-е-ет! – Елизаров бросился к дочери, но та уже подняла ногу, собираясь шагнуть за край...

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
болота, наши дни*

– А он не того?.. – Толстяк показал на холку монстра.

– Чего?!

– Н-ну, не в об-биде, что т-ты его при-приятеля убил, н-не? – спросил Пух.

– Конечно, в обиде. Я ему пообещал тебя скормить, ну, в качестве компенсации за моральные страдания.

Пришпорил «мишку». Тот зарычал, но послушался – двинулся быстрее.

– Шу-шуточки у т-тебя, – буркнул Пух.

– Какие уж есть!

На самом деле я не знал, как избавиться от напарничка. Как бы я его ни подкалывал, но Пух мне нравился. Не хотелось, чтобы парень погиб только потому, что увязался за мной.

С другой стороны, прогнать его сейчас – все равно что подписать смертный приговор. В штабе военсталов уже наверняка проббили Пуха по кадрам с камер. Значит, и на него уже есть ориентировка.

Внутри Периметра Зоны военные сталкеры – самая влиятельная группировка просто по той простой причине, что имела «крышу» в правительстве и, как следствие, современное вооружение и технику в своем распоряжении. Другие сталкерские кланы этим похвастать не могли и, по сути, варились в Зоне сами по себе, надеясь только на собственные ресурсы.

А еще у военсталов были пропуска, которые давали членам группировки карт-бланш на проведение спецопераций на любой из сталкерских баз. Даже на базе «Тени» – полувоенной бандитской организации, которая постоянно меняла место дислокации, уходя от набегов конкурентов.

«Только от зловещего автобуса это их не спасло», – подумал я.

– Слушай, этот свидетель – он, значит, из «Теней»?

– Д-да, мо-молодой ещ-ще совсем.

– Говорил с ним? Как он к вам, на «Звезду» попал?

– Н-не, ме-меня к нему не-не п-пустили. З-знаю, что «спе-спецсредства» п-применяли, пы-пытались разз-говорить, н-но все-все б-без т-толку.

– Пытали, значит-с?

– Не-не б-без эт-того!

– Вот знаешь, именно из-за этих ваших пыточных я от вас и ушел. Меня бы самого в такую посадили, – сказал я. – Потом бы сдали военсталам, конечно. Им всех сдают. Но до этого просидел бы, опробовал на себе все преимущества «идеологии», это как пить дать.

– А ч-чем тебе на-наша идеология не-не нравится? – буркнул Пух.

– Ну, как бы всем нравится. Но как по мне, Зона – не то место, где нужно устанавливать коммунизм.

– Д-даа? А по-почему бы и н-нет?! Можно по-построить ста-стабильное об-бщество, где у ка-каждого будет все-сего в избытке – вплоть до-до р-равного ра-распределения а-артефактов. И на-нам вся с-страна по-потом будет з-завидовать.

– Да, как все остальные страны завидовали России в «Нашей Раше». Ты сам-то в это веришь? – усмехнулся я. – Товарищ Грач вряд ли живет по той идеологии, которую впаривает вам, трудягам. Я же помню его хоромы, а еще ему девок возят из «Вегаса».

«Вегас» – тоже сталкерская база. Злачное место, где кучковались проститутки и аферисты всех мастей. Куча барачных борделей и казино – единственное на всю Зону.

– А т-ты видел их, н-ну, д-девок?

– Я-то? – сказал и замолчал – есть одна неприятная история, которую не хотелось вспоминать. Даже просто самому себе о ней напоминать, не то что делиться с Пухом. Проще ответить: – Не, не видел.

– Во-вот в-видишь! – довольно улыбнулся Пух.

– Но от этого не легче. Как нам нашего свидетеля со «Звезды» выковырять, учитывая, что я там на особом счету? – спросил я.

– Есть у меня одна идея!

Как бы я ни хотел отвертеться от напарничка, но тот сам напрашивался на неприятности. Внимательно выслушал его план. Тот хоть и был безумным, но вполне мог и сработать...

* * *

*Припять, улица Ленина,
27 апреля 1986 года*

Сергей Андреевич успел вовремя – подхватил дочку в тот момент, когда центр тяжести девочки сместился за край крыши. Оpozдал бы хоть на секунду – и Катюшу уже не спасти. Вряд ли бы она пережила падение с пятого этажа, несмотря на то что внизу росли деревья. Это только пьяные так могут – упасть с верхотуры и ничего себе при этом не сломать.

– Катенька! – Елизаров прижал дочку к себе, зашелся в рыданиях. – За-ачем? Зачем ты это?... Почему?

Он никак не мог подобрать нужные слова, пытаясь вспомнить, чем так мог обидеть дочку, что она решилась на суицид.

Но все оказалось куда прозаичнее...

– Он меня не любит... – тихо сказала дочка.

– «Он»?!

Дочка кивнула.

«Неужели этот засранец Максим довел ее до того, что она чуть не прыгнула с крыши?!»

Ситуация хуже не придумаешь: дочка уже давно положила глаз на сыночка местного криминального авторитета. Когда Елизаров впервые узнал, что они встречаются, то даже пытался попросить начальника милиции «решить вопрос». Но тот лишь развел руками – типа «сын не должен страдать за грехи отца». Еще бы – не с его же кровинушкой начал мутить оболтус, который явно пойдет в отца!

Да и самого отца Максима не посадить – все ведь знали, чем он занимается в Припяти – держит воровской общак, крутит дела с цветметом, но доказательств не было. А может, просто не хотели портить показатели – как знать? «Так у него сыночка в прошлом месяце застали с поличным», – настаивал Елизаров. «Он сказал, что нашел кошелек и как раз нес его в милицию,

а свидетелей нет. Ничего не доказать. Заявительница тоже не смогла вспомнить, то ли она его сама обронила, то ли на рынке он у нее исчез», – ответил милицейский чин. И все, не доказать.

– Максим?! – спросил Елизаров.

Дочка кивнула.

«Вот же гад!» – подумал Сергей Андреевич.

– Катюша, ну разве он стоит того?.. Ты хоть понимаешь, что сейчас хотела сделать? Ты же... ты же еще маленькая, чтобы...

– Чтобы что, пап? Чтобы полюбить?

– Тебе же всего...

– Четырнадцать! Уже четырнадцать, папа!!!

– Да, только в прошлом месяце исполнилось. Фактически еще тринадцать.

– Ну и что, папа?! Я все равно его люблю. А сегодня он сказал, что уезжает. Наврал с три короба, что эвакуация из города. Типа все уезжают, поэтому мы должны расстаться. А я никогда его не увижу.

Дочка заплакала.

Елизаров вздохнул. Он успел вовремя, а с остальным – уж как-нибудь разберется.

– Не знаю, что он тебе говорил. Но тут он не соврал – сегодня действительно эвакуация. Ты вообще где была?

– Здесь, папа. Я пришла сюда и плакала, а еще кормила голубей. Как тогда... в детстве, ты помнишь?!

– Ты могла мне все рассказать... Я бы...

– Тебе же некогда, пап. Все время некогда! А мама – она всегда мальчика хотела... а я вот девочкой родилась, простите!

– Я... ты... – Сергей Андреевич не знал, что ответить. Действительно, в последнее время а администрации ему достался большой фронт работ. Приходилось решать все вопросы по социалке – от пенсий до функционирования больниц и школ. Естественно, дел невпроворот.

«А она как думала? Конечно, папа все время занят. Попробовала бы она...»

Тут до Елизарова дошло, что он снова совершает ту же ошибку – делает девочку виноватой в проблемах, которые ему надо решать. Из-за такого отношения он чуть не лишился дочери. И сейчас опять собирался наступить на те же грабли.

«Нет, так нельзя!»

– Теперь я всегда буду тебя слушать, обещаю! – сказал Сергей Андреевич, глядя дочери в глаза. Но та демонстративно отвела взгляд.

– Зря ты меня остановил, папа! – выпалила Катя, поднимая рюкзак. Рядом с ней вспорхнули голуби, заматались по чердаку.

– Ну, это ведь... ну, пока... мы что-нибудь придумаем. Я поговорю с отцом Максима, и мы сможем сделать, чтобы вы...

«Что ты хотел пообещать, что они будут встречаться?! Но это невозможно! Еще бы – четырнадцатилетняя дочь замглавы в гареме сыночка криминального авторитета Губы? Как вы себе это представляете?! Но Катюше про такой расклад знать нельзя. Вот уедем из города – может, позабудет своего хахаля».

– Что, позволишь встречаться?! Нет, пап, ты не позволишь! Я вижу это по твоим глазам, – сказала Катя. Сергей Андреевич поспешил отвести взгляд – надо же так облажаться. – Да это бы нам и не помогло.

– Почему? – не понял Елизаров.

– У него проблемы, папа. *Большие проблемы.*

Елизаров опустил на колено перед дочерью:

– Скажи мне, пожалуйста. Я должен знать. Я смогу помочь. Ему. Вам. Тебе! Я же работаю в администрации, ты забыла?

– Нет, папа. Тут ему не поможешь...

«Да что такого могло произойти? Пацана отчислили из обычной школы, перевели в коррекционную?»

Немудрено – учился оболтус из рук вон плохо. Сплошные двойки-тройки да прогулы – Сергей Андреевич уже узнавал про него. Отец же Максима периодически то «присаживался» в колонию, то выходил из нее. Мачехе было не до парня, поэтому отпрыска воспитала улица. Даже если это была улица советского города, рядом с которым функционировала одна из самых современных АЭС не то что страны, а Европы, все равно!

– Его перевели, да?! Так я попрошу за него... Его восстановят. Ну, потом, когда вернемся... – сказал Елизаров, а сам подумал: «Если вообще вернемся. Если повезет, то Катя этого хулигана и его бандитскую семейку никогда не увидит».

– Нет, пап. Ты ему не поможешь... – сказала Катюша и поспешила к выходу. – Все гораздо серьезнее. Он...

Дочь замолкла на полуслове – в дверях появился милиционер.

– Что, нашли? – удивился капитан.

Посвящать милицию в подробности инцидента у Елизарова не было никакого желания – те могли поставить жирный крест на карьере чиновника.

– Да, нашел – вот... Все хорошо... Она тут была... – затараторил Сергей Андреевич.

Катя же скривила мину, которая могла значить только одно: что, еще не разучился врать, папочка?! Тот-то же!

Она проскользнула возле милиционера и стала спускаться по лестнице. Елизаров поспешил за дочкой. Капитан пожал плечами и крикнул вдогонку:

– Хоть бы папе-то сообщила, что ты здесь, а то весь город на уши подняли...

Но Елизаров знал – весь город на уши поднят вовсе не из-за этого. Но события закручивались так стремительно, что скоро стало ясно – дальше будет только хуже.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
болота, наши дни*

Рокот винтов грозил перекричать даже бурю. Снег взлетел в воздух и закружился, заплясал вокруг избушки. Один из военных сталкеров махнул рукой, показывая пилоту вертолета, где можно посадить машину. Сам вертолет – черный, с вытянутой хищной мордой – напоминал акулу, спарившуюся с ксеноморфом.

Вертолет сел на опушке, дверца отъехала в сторону.

На снег опустилась толстая подошва военного ботинка.

Незнакомец в черном кожаном плаще даже не поежился, когда на него налетел очередной порыв ветра. Более того – мужчина скользнул в него, словно бомбардировщик в грозовую бурю. Военстал, заметив прибывшего начальника, вытянулся по струнке. Козырнул.

– Докладывай! – бросил подчиненному незнакомец.

– Объект скрылся!

Даже сквозь шум ветра было слышно, как заскрипели зубы человека в черном. Вместо лица – железная маска-череп. Военстал хоть и не видел мимики начальства, но смекнул, что все может закончиться для него, как ответственного за спецоперацию, очень-очень плохо.

– Но мы успели поставить на него метку, – военстал поспешил протянуть начальнику КПК, на котором мелькала «красная точка». – Похоже, он движется к «Звезде».

Череп, а именно так звали незнакомца, хмыкнул – в его случае это было похоже на спуск пара перед отправлением паровоза.

– Если так, то вы знаете, что делать, капитан! – сказал он.

– Так точно – будет сделано! – Военстал снова вытянулся по струнке, а потом вдруг вспомнил: – С объектом был еще один человек.

– Сталкер?

– Видимо, мы сняли их вместе. Вот! – Подчиненный продемонстрировал видео с камеры погибшего коллеги. В момент, где шарахнула растяжка, даже непроизвольно вздрогнул. На Черепа же сцена никакого впечатления не произвела.

– Отлично! – сказал начальник, развернувшись к вертолету.

– Так что с ним делать? Со вторым?

– Тоже убейте, – бросил Череп. Буднично, будто просил оштукатурить стену или вынести мусор. – И пришлите мне видео. Я хочу видеть, как Сокол умирает. Во всех деталях.

– Так точно! Будет сделано! – отчеканил военстал.

Но Череп не слушал – он и так знал, что подчиненный выполнит все в точности, как ему велено. Просто не мог не выполнить: трибунал в группировке он давно отменил, сейчас за большую часть провинностей одна мера наказания – расстрел, поэтому и дисциплина стала железной.

«Очень скоро все начнется, а этот сталкер с дурацкой кличкой Сокол не должен помешать, – подумал Череп. – Пришло время стереть уродца с лица земли. Вместе с его толстым дружкой».

Глава 3

«Звезда»

*Чернобыльская зона отчуждения,
окрестности базы «Звезда», наши дни*

– В с-смысле я с то-тобой не па-пойду?! С-сокол, ты ч-чо?! Я же это вс-се при-придумал! – недоумевал Пух.

Мы уже практически подошли к границам лагеря «Звезда», но брать с собой на вылазку толстяка я не собирался.

– В прямом! – буркнул я. – Останешься здесь, будешь сторожить Боливара.

– Ко-кого?

– Боливара. Его так зовут, – сказал я, похлопывая по холке мутанта. – Ты спрашивал насчет того медведя, которого мне пришлось убить. Он был из других. Тех, что необучаемы. Боливар не такой.

– Ты-ты что, их ра-различаешь?

– Конечно. Поживешь несколько лет прямо возле берлоги такого мишки – сам начнешь понимать, что к чему. Тот вообще был залетный – из другого леса. До этого несколько дней все зверье в округе пугал.

– А т-ты откуда знаешь? Это те-тебе этот – как т-там его? – сказал, д-да?

– Боливар.

– Да, Бо-боливар т-тебе напел про это?

– Зря смеешься, – ответил я, но объяснять подробности не стал – некогда. Привязал медведя, как коня, к дереву. – Не советую, кстати, к нему подходить. Чужих он в принципе не любит.

– Но я же то-только что на-на нем того... е-ехал.

– Так ты со мной ехал, а сейчас ты будешь без меня.

– По-понятно. – Толстяк покраснел. – Н-нуу, С-сокол, можно я с то-тобой? Ч-что я тут бу-буду делать-то?

– Охранять и готовить плацдарм для отступления, – ответил я.

Пух насупился.

– Ты-ты м-мне не до-доверяешь, д-да?

Положил руку напарнику на плечо.

– Ну, подумай сам. Ты себя в зеркало-то вообще видел?! Там надо будет быстро бегать...

– Я мо-могу....

Отрицательно покачал головой:

– Нет. Не можешь.

– Но м-мы ведь ко-команда...

– Мы никакая не команда. Я тебе уже об этом говорил. И сейчас тоже. Я выужу всю информацию из свидетеля, а потом помогу тебе спрятаться. Схорониться так, чтобы военсталы тебя не нашли. Может, даже придется провести тебя за Периметр – на Большой земле власти у них нет.

– П-периметр?! С-сокол, но я не-не х-хочу за Пе-периметр.

Сжал губы – и как объяснить, что в Зоне ему теперь оставаться нельзя?!

– Хорошо, я подумаю. Но только когда вернусь, хорошо? – сказал я, а заметив, что Пух демонстративно отвернулся, добавил: – Ну и фиг с тобой! Я, между прочим, не просил являться за мной. Ты сам приперся, еще и приволок за собой хвост.

Я отстегнул от седла колчан, проверяя оставшиеся стрелы – немного. Почти весь боезапас брошен в Берлоге, от которой теперь вряд ли что осталось.

– Н-но я... я ду-думал, что ты х-хочешь... х-хочешь сно-снова увидеть се-семью.

Я замер, подождал, пока комок в горле проскочит вниз, а потом, не оборачиваясь, шагнул в чашу.

– С-сокол! – крикнул Пух вдогонку.

– Что?

– Б-будь о-осторожен!

– Не пропаду, – сказал я и двинул в сторону лагеря.

И хотя Пух детально объяснил, где искать свидетеля, все равно миссия пошла не по плану.

* * *

Пух осмотрелся по сторонам. Заметил взгляд медведя-мутанта – тот, похоже, видел в нем только кусок мяса.

«Как и Сокол, тот тоже так и сказал: ты – жирдяй! Открытым текстом. Типа только помещаешь во время вылазки. Хорош друг, тоже мне! Хотя какой он друг?! Это я сам и выдумал. С чего-то взял, что Соколу интересно со мной общаться».

– Да-да и ч-черт с то-тобой! – обиженно буркнул толстяк.

Он уже хотел плюнуть на этого надменного упыря Сокола и свалить, как вдруг заметил шарахающиеся огни фонариков среди заснеженных деревьев.

«Неужели патруль?! Надо срочно прятаться. Но где?!»

Пух нырнул за дерево, но понял, что живот остался на виду, – пришлось его хорошенько втянуть.

Фонари все ближе. Еще секунда – и незнакомцы будут рядом.

«Лишь бы мишка не зарычал», – подумал сталкер, но мутант на удивление не издал ни звука.

Фонари проплыли мимо. Пух выдохнул – слава богу, теперь надо предупредить Сокола – его ждала ловушка!

Он уже развернулся, чтобы бежать к напарнику, но тут наткнулся на военстала, который вышел из-за дерева и сразу наставил автомат.

– Ч-черт! – грохнулся на снег толстяк и начал на карачках отползать от глядящей в лицо смерти.

Военный сталкер показал жертве КПК, на котором отмечена красная точка. Пух понял, как они с Соколом вляпались: преследователи умудрились посадить на них жучки. Военстал засмеялся:

– Вот вы и попались!

Точка дернулась, хотя сам Пух оставался на месте. Военный сталкер в недоумении уставился на КПК – и тут его смела огромная тень. Рык прокатился по лесу – это мишка с ходу начал рвать горло врагу.

«Жучок был на мутанте, а не на них! И как только Боливар смог отвязаться?!»

– Бо-божечки! – затараторил Пух, проворно уползая в лес. На крики уже бежали другие военсталы.

Загремели выстрелы.

«Сокол должен услышать стрельбу, должен обо всем догадаться», – подумал Пух.

Но напарник был слишком занят другой проблемой.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
база «Звезда», наши дни*

Я как раз пытался проползти мимо контрольно-пропускного пункта, когда раздались выстрелы. С той стороны, где оставил Пуха. А потом – рык медведя. Надеюсь, Боливар не подведет. Все же не зря его не привязал, а только сделал вид, перекинув веревку через ветку, чтобы толстяку было спокойнее. На самом деле это мишка присматривал за сталкером, а не наоборот.

Охранники на КПП вскинули автоматы. Один схватился за рацию:

– Да, выстрелы в лесу. Да! Есть!

Со стороны лагеря уже слышались голоса – на помощь отправили группу сталкеров. Все в химзе под полушубками, на противогазе – красная звезда. Немудрено – мы же в коммунистическом лагере.

Но в целом суматоха мне на руку. Пропустив группу, спешащую на звуки выстрелов и крики, я прошмыгнул мимо КПП и побежал к забору, который отделял базу от леса.

– Он – там! – вдруг раздалось справа.

Чуть не подскочил на месте, вскинул лук, но, слава богу, не выстрелил. Еще одна группа сталкеров мчалась на крики, но меня они не видели. Тот, что подал голос, указывал в сторону КПП.

Выдохнул.

Еще не хватало надеть шуму сейчас, когда Пух обеспечивает прикрытие, пусть и, возможно, ценой собственной жизни.

«Если так – то жалко сталкера, конечно, но будем верить в лучшее».

Я обогнул забор и увидел барак, который служил на базе тюрьмой.

Только для начала нужно наведаться в хоромы товарища Грача. Ключ хранился там – не доверял начальник базы своим же «особистам», что уж делать. Придется вытаскивать «отмычку» прямо из логова врага.

«Товарища» Грача, будучи в лагере, я, конечно, встречал, но часто с ним не пересекались. Все-таки он член Политбюро, а заодно Главком базы. Ему не до винтиков в механизме навроде меня. Единственный раз, когда Грач заинтересовался Соколом, – когда за мою голову назначили награду. Тогда да, он подсутился, напряг всех. Пришлось в итоге бежать на болота. Скрываться.

Не успел подумать про Грача, как столкнулся с ним нос к носу возле барака Главкома. Я как раз хотел послушать, тихо ли за дверью, а он возьми да выскочи!

– Кто там? – спросил женский голос из барака.

Грач потянулся за маузером.

* * *

*Припять, улица Ленина,
27 апреля 1986 года*

– Ты что, правда бросилась бы? – спросил Сергей Андреевич. Он специально сел на заднее сиденье милицейской «Волги», чтобы поговорить с дочкой. Естественно, шепотом.

Дочка не ответила. Смотрела в окно широко открытыми глазами – будто только заметила, что город на пороге вымирания. По улице медленно полз бронетранспортер. Люди спешили

с чемоданами в ту же сторону, куда ехали они. А им навстречу поднимались милиционеры, одетые в костюмы химзащиты, а еще – маски-респираторы.

– Что случилось? – спросила наконец она, оторвавшись от картины за окном.

– Авария на станции, – коротко ответил отец. Елизаров и сам до сих пор, несмотря на должность, был не в курсе произошедшего. Что взорвалось, каковы последствия – ничего. Да что там говорить – о предыдущей аварии ему и то рассказали только сегодня. Глава администрации сообщил как бы между делом: «Знаешь, было уже подобное, два года назад» – и все. Ни тебе подробностей. Ничего! Абсолютно!

– Мы ведь вернемся? – спросила Катя.

– Не знаю... – ответил Елизаров. – Пока сказано, что покидаем город на три дня. Наш автобус отправляется через час. Последний, кстати.

– Что, все уже уехали? Значит, он... – Дочка не договорила.

«Что? Сказать, что ее Максим был прав? Нет, не надо, чтобы она думала про него хорошо. Того и гляди, все завертится снова. Мало того, что этот козел втянул дочку в амурные дела, так еще и спровоцировал на то, чтобы сброситься с крыши. Уж не знаю, что гаденыш такого ей сказал, но наверняка что-то очень плохое!»

– Да, все уехали... И Максим, наверное, тоже. В этом он не наврал тебе, – сказал Елизаров.

Дочка вздохнула. В уголках глаз блеснули слезы.

«Черт! Я же не хотел выгораживать засранца. Само собой вырвалось», – подумал Сергей Андреевич и, чтобы сменить тему, спросил сидевшего за рулем капитана:

– А респираторы уже всем выдали?

– Нет, не всем. У меня вот до сих пор нет.

– А вон твои уже того, в масках... – Елизаров показал в окно, где по тротуару шествовали два милиционера. Они, заметив машину, козырнули Петрову.

– Да, видимо, пока мы ездили – раздали.

Из-за домов впереди повалил дым.

– Эт-то еще что?! – милиционер крутанул баранку, паркуя служебное авто у тротуара.

Включил рацию:

– Это Петров. Откуда дым?! Что горит?

Ему что-то ответили – взгляд капитана заметался по сторонам.

– Погибшие есть? – Пауза. – Как ты не знаешь? – удивился милиционер.

Мимо нас пронеслась пожарная машина. За ней еще одна. И еще.

– А я думал, все на станции сейчас, – сказал Елизаров.

– Эти только что прибыли, еще не доехали до АЭС. Сразу послали сюда.

– А что горит-то?

– Говорят, квартира Губина, – ответил милиционер.

Катюша ахнула, услышав фамилию парня. Точнее – отца Максима, которого в криминальных кругах именно из-за нее прозвали Губой.

– Что случилось? – спросила девочка.

– Знать бы еще! Давайте я вас сейчас высажу здесь, сам туда стоняю. Пешком дойдете до администрации...

– Нет! – отрезала Катя.

– Нет! – повторил за дочкой Сергей Андреевич, на ходу подбирая аргументы. – Надо на месте посмотреть, убедиться, что жертв нет, а то неизвестно, на сколько уезжаем.

Милиционер пожал плечами – машина развернулась и рванула к тому месту, откуда валил дым.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
база «Звезда», наши дни*

Пришлось бить кулаком.

– За Родину, за Сталина! – буркнул я, вложив всю злость в удар. Хрустнуло. Товарищ Грач повалился в барак, разбрызгивая кровь по ковру прихожей.

– Кто там? – донеслось из спальни. Стопудово – очередная шлюха.

Пока глава «Звезды» оседал на пол, я быстренько подхватил его маузер. Отличное оружие – пригодится, хотя я и не люблю огнестрел. Сунул пистолет за пояс и шагнул к двери.

Из спальни высунулась девушка.

Курносый носик.

Рыжие кудряшки.

Губки бантиком.

А у Грача определенно был вкус на женщин. Девушка открыла рот, чтобы закричать, но я приложил палец к губам:

– Тихо ты! Завизжишь – пришью! – сказал я, показав на маузер.

Подействовало.

Девушка в белоснежном халате, которых в Зоне вообще ни разу не видал, прошла по комнате, оценивая обстановку, а потом, подойдя к вырубленному Грачу, неожиданно пнула Главкома.

– Ч-черт! Больно! – Она схватилась за палец.

– Еще бы! Он же из коммунизма сделан! – ухмыльнулся я, оттащив Грача за диван. Потом достал из рюкзака веревку, связал пленника. – Кляп бы еще!

Девушка посмотрела по сторонам. Ничего не нашла, потом сняла с ноги носок – тоже белоснежный! – и сунула его в рот Грачу.

– Ты его не убьешь? – спросила девушка.

Зеленые глаза и рыжие кудряшки – убойное сочетание. «Рыжая бестия», обычно говорили про таких. Но «бестия» еще и была на редкость сексуальной – изгибы тела так и манили взгляд. Девушка, заметив внимание, кокетливо улыбнулась и смахнула прядь с лица.

– А надо?

– Не мешало бы!

– Так-то не собирался! – Я наконец нашел на поясе пленника ключ. Похоже, тот самый – от тюрьмы. Отстегнул и положил в карман. – А ты разве не его?..

– Его что или кто?! Шлюха, ты хотел сказать?! Да ладно, говори уж, как есть... – процедила незнакомка, демонстративно скинув халат.

Отвел взгляд.

– Ну да... немного, – буркнул я первое, что пришло на ум.

– Я здесь не за этим, – сказала девушка, скользнув в одежду, разложенную на диване. Одевалась она на удивление быстро. – Но ты мне очень помог...

– Я?! Помог?!

– Да!

Не успел и глазом моргнуть, как рыжая достала из-под вороха одежды пистолет с глушителем и...

Хлоп!

...выстрелила Грачу между глаз.

Еще миг – и ствол пистолета уже направлен на меня.

– Ну вот, теперь порядок! И да, не думай за мной ходить, – приказала девушка, после чего вытащила носок изо рта трупа. Поморщилась, отшвырнула предмет гардероба в угол. Сняла второй носок – и он последовал за первым.

Пистолет все так же смотрел мне в лоб.

– Да я и не думал...

– Если ты за своим другом, то его держат в третьей камере, – проговорила девушка.

– Другом? – До меня не сразу дошло, что речь идет про свидетеля. – Он мне не друг...

– А кто?

– Не твое дело.

Девушка усмехнулась и даже не пристрелила – ох, какие у нее губки. Наверное, сладкие, как клубника!

– Ты для спеца слишком впечатлительный, – сказала она, а потом вложила мне в руку маузер. Глянул на пояс – пусто. И когда она успела вытащить пистолет? Ну я и простофиля, блин! Совсем разум потерял перед красоткой.

– Ладно, меня ждут дела. Пока, красавчик! – Девушка подмигнула и скользнула за дверь. Даже слова не успел сказать, вот так бестия!

Вдох – выдох.

«Ну, ладно... У меня тут свои дела».

Выскользнул на улицу – незнакомки уж и след простыл.

Топот ног – вжался в стену. Мимо барака Грача пробежали еще несколько сталкеров – тоже, судя по всему, направлялись в сторону КПП.

«Надеюсь, с Пухом все в порядке», – подумал я и двинул к тюряге.

Возле барака переминался с ноги на ногу постовой. В руках даже не «калаш» – винтовка. «Мосинка?! Блин, где они такие берут?»

Подскочил к нему и заорал что есть мочи, тыча пальцем в сторону КПП:

– Быстрее! Они там!

Парень машинально повернулся в ту сторону, куда я показывал, тогда и ударил его в кадык. Охранник захрипел. Можно и задушить, но зачем?!

Тем более – узнал парнишку. Ванька. Недолюбливал меня, конечно, но сдается, все это от мальчишеского максимализма и здешней традиции оценивать людей по шкале местных ценностей – преданности партии и милитаристскому взгляду на мир. Мне не хватало ни того, ни другого.

Оглушил, а потом оттащил пацана за угол. Сам скользнул к тюремному барaku. Ключ подошел сразу.

Внутри – темный коридор. Теснота. Клетушки маленькие – один человек и поместится. Прошел по коридору до камеры с цифрой «3».

– Ты – Володька? – спросил я темноту.

Та не ответила.

Никто даже не шевельнулся.

Если в камере кто и был, то на волю выбираться он явно не спешил. Осторожно открыл дверь камеры.

– Есть тут кто? – спросил я.

Никто не ответил.

Ногой пошерудил по полу, проверяя пространство впереди. Кто-то лежит в углу – может, умер?! Не, пульс есть! Дышит! Просто без сознания.

С трудом взвалив на плечи незнакомца, я поспешил к выходу... и едва не столкнулся с рыжей незнакомкой. Та снова взяла меня на мушку.

– Ты! – процедила она.

– Ты! – повторил я. – И какого хрена ты еще тут?

Девушка вместо ответа показала на толпу «красных», которые окружали барак. Человек двадцать – не меньше.

– Вы все не так поняли! – брякнул я им первое, что пришло на ум.

Рыжая вопросительно повела бровью.

– Мы из военсталов! – сказал я, хотя на военных сталкеров мы были похожи, как Пух на балерину.

Из соседнего барака донесся крик:

– Они убили товарища Грача!

Ну все, приплыли – все стволы мигом оказались наставлены на нас.

Щелкнули предохранители.

Мысленно простился с жизнью...

* * *

Заревел мощный двигатель. «Красные» обернулись на звук – из-за поворота выскочил БТР. Сталкеры смотрели то на нас, то на приближающуюся бронемашину – та не сбавляла скорость.

– Это еще кто? – спросила рыжая.

– Без понятия, – ответил я, опустив свидетеля на колено – руки капец как устали держать его на плече.

Когда до бронемашины осталось всего пара метров, «красные» бросились врассыпную. Как тараканы по углам.

БТР резко развернулся на площадке у барака, разбрасывая снег, и остановился рядом с нами. Из люка выглянуло довольное лицо Пуха:

– А в-вот и я! – улыбнулся тот.

– Ты его знаешь? – спросил девушка, наставив на парня пистолет.

– Тихо-тихо! Опустит ты! Он – свой!

Толстяк посмотрел на спутницу:

– А он-на к-кто та-такая?

– Позже объясню! – пообещал я, загружая свидетеля в десантный отсек.

«Красные» наконец-то вышли из ступора – открыли огонь. Пули зацокали по броне.

– Она тоже с нами? – Пух кивнул на рыжую, которая отстреливалась, прижавшись к броне.

– А тебе не нравится компания?!

На самом деле я тоже не хотел ее брать. Но не бросать же девушку посреди орды «красных», даже если она – убийца. И – профессиональная, судя по всему.

– Спасибо, мальчики! – поблагодарила рыжая, запрыгнув в машину.

Пух не стал возражать – БТР начал разворачиваться.

– Давай, вывози нас из этой богадельни!

– Это не богадельня! – запротестовал толстяк.

– Да-да, забыл – здесь строят коммунизм. Но все равно – давай сматываться. Тем более – ты теперь изменник Родины и тебе светит расстрел, не забывай об этом!

На лице Пуха мелькнул испуг – кажется, о таком варианте развития событий он даже не подумал.

– Ходу, давай уже!

– Так и знал, что даже спасибо за помощь не скажешь! – недовольно пробурчал Пух.

БТР, протаранив шлагбаум у КПП, вырулил на дорогу и помчался прочь от потревоженного людского муравейника.

Глава 4

Свидетель

*Припять, улица Ленина,
27 апреля 1986 года*

– Знатно полыхает! – прокомментировал Петров, останавливая машину у дома Губина. Здесь уже всюду трудились пожарные – раскатывали шланги. Одна лестница приставлена к пятиэтажке, к квартире на четвертом этаже, откуда наружу вырывались языки пламени.

– Максим! – вскрикнула Катя и, открыв дверцу машины, бросилась к дому. Растолкала пожарных, протискиваясь к подъезду. Там уже лежало тело, завернутое в брезент.

«Неужели он, неужели Максим?!»

Сергей Андреевич выскочил за дочкой. Сумел настигнуть Катюшу у труп, развернул дочку к себе и крепко прижал.

– Папа, он сгорел, да-а? – тихо всхлипнула она.

– Может, это и не он, – попытался успокоить Елизаров дочь. Сам же прикинул длину труп – похоже на взрослого, не на пацана.

Капитан в это время разговаривал с пожарными, затем к нему подошли еще двое милиционеров.

– Где «скорая»? – спросил Петров.

– Все машины заняты, сегодня *такой день* – сами знаете, – ответил один из подчиненных.

– Ох, ладно! Сам, если что, отвезу в морг, – сказал капитан, потом подошел к Елизарову с дочкой. Положил руку Кате на плечо: – Максима тут нет, если что. – Капитан кивнул на брезентовый сверток. – Отец его погорел...

В заплаканных глазах Кати мелькнул лучик надежды.

– А Макс?

– Не нашли! – ответил капитан. – Но в квартире был еще один человек...

– Кто? – спросили разом отец и дочка.

Капитан смерил взглядом обоих.

– Не рано ли ей знать все подробности? – Милиционер кивнул на Катю.

– Нет, она большая уже у меня – тринадцать лет!

– Уже четырнадцать, пап, – встряла в разговор дочка.

– Да, четырнадцать. Еще месяца не прошло, как четырнадцать.

Милиционер пожал плечами – типа сами напросились.

– Нашли мачеху вашего Максима. Похоже, ее убили до... еще до пожара. Илья Владимирович, он же – Губа, вернулся из очередной отсидки, ну и устроил жене головомойку за плохой прием. Смертельную головомойку, – милиционер вздохнул. – Но это только версия, конечно. Будем разбираться.

– А сам Губа что, задохнулся?!

– Похоже на то. Видимо, понял, что натворил, поэтому воткнул себе нож... короче, давайте пока без подробностей все же, а то и так слишком много информации для некоторых, – капитан покосился на Катю.

Дочка вздрогнула и прижалась к отцу, а тот вспомнил разговор на чердаке.

«Максим во что-то вляпался, так она сказала. Совершил что-то плохое. Может, сбежал из дома? Про это речь? Вот и хорошо, что сдрапал. А то сейчас тоже бы погорел», – подумал Елизаров.

Милиционер показал на машину.

– Я еще здесь остаюсь. Оформлю все. – Петров надел протянутый подчиненными респиратор, выдал два таких же Кате и ее отцу: – Надевайте! И – уезжайте из города. Помните, это уже не ваши проблемы, Сергей Андреевич. Мы тут сами разберемся.

Чиновник кивнул, повел за собой Катю. Им еще надо успеть на автобус – до отправки последней колонны оставалось полчаса.

«Надеюсь, все пройдет как надо. Хотя бы...» – подумал Елизаров.

Но эвакуация не задалась с самого начала. Дальше становилось только хуже.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
окрестности базы «Звезда», наши дни*

– Что-то твой друг, похоже, обиделся! – Рыжая кивнула на Пуха, который вел БТР, но при этом демонстративно не оглядывался в нашу сторону. Набычился.

– Знаю, – ответил я. – Вообще не хотел его брать...

– Почему? – спросила рыжая.

– А тебе какое дело? Я тебя вообще знать не знаю, – ответил я.

– Ну и ладно! – Девушка, заправски проверив обойму, сунула пистолет в кобуру. Резко встала. – Спасибо, подвезли! Дальше я сама!

Рыжая открыла люк – и отшатнулась. Прямо перед ним маячила голова медведя-мутанта, бегущего следом за бэтээром. Глаза горели огнем, а с зубов стекала кровь.

– Там это... – незнакомка показала пальцем в монстра, не зная, как описать то, что увидела перед собой.

– Знаю я... Это Боливар.

– Кто?

– Медведь мой! Ты дверь-то закрой, а то дует, – усмехнулся я.

Рыжая покорно закрыла люк, примостилась рядом:

– Он что, ручной?

– Да, специально обучен сжирать тех, кто не отвечает на мои вопросы. При виде тебя уже начинает облизываться.

– Вот еще! – фыркнула девушка. Оглянулась по сторонам, а потом ткнула в плечо. – Сначала ты расскажи о себе, какого хрена вам вдруг понадобилось на «Звезде»? И зачем вам этот? – Она показала на лежащего в углу свидетеля. Тот до сих пор был в отрубоне.

– Он знает кое-что нужное...

– О чем?

– Я же говорю: не твое дело!

– У тебя что, проблемы с общением? – скривилась рыжая.

Непроизвольно подумал, что ее лицу даже идет такая гримаса. Так и хотелось чмокнуть чертовку, зацеловать от души.

«Тьфу ты, блин! Размечтался. Завязывай уже с этим!» – подумал я и ответил:

– Появились, только когда увидел тебя!

На удивление, грубость сработала, но не так, как планировал, – девушка даже покраснела. «Интересное явление для киллера!»

– А ты на кого работаешь? – спросил я.

– Так тебе и скажи!

– Неужто глава «Родины» заказал конкурента по идеологической линии?

Рыжая отрицательно покачала головой.

– Что, местные заказали? Свои же? Из Политбюро? – спросил я.

Девушка не ответила – видимо, попал в точку.

Вот так дела, похоже, в «красных кругах» грянет переворот. Так что, может, и повезет – если в «Звезде» власть сменится, то и про нас забудут.

– Ясно все.

Рыжая села рядом.

– Ну а ты наверняка тоже на конкурентов работаешь? Своего забрал из тюрьмы, шпиона? – спросила она.

– Не, не угадала.

– Тогда, наверное, родственничка выручил? Брат, кузен, деверь? – Девушка кивнула на свидетеля.

– Не, не угадала. Ладно, все, поговорили. Ты хотела, чтобы мы тебя подбросили, а дальше типа сама. – Я перегнулся через кресло и коснулся плеча Пуха: – Все, тормози! Баба с возу – кобыле легче.

Напарник остановил машину:

– Как скажешь!

Девушка сжала губы, но ничего не сказала. Встала и выскользнула наружу.

– Ты там того, мишку не нервируй! – бросил я вдогонку.

– Сам о своей скотине заботься, – донеслось с улицы.

Я закрыл люк. Пух повернулся:

– Что, тоже не нашел общий язык?

– Ты про эту фифу?! – Я махнул рукой куда-то в сторону люка. – Она меня... нас подставила. Кроме того, правду не говорит. Да и убийца она, наемница. С такими точно не по пути.

– А нам с тобой, значит, по пути? – мрачно спросил Пух.

Риторический вопрос, поэтому отвечать не стал.

БТР пополз дальше, набирая скорость.

* * *

Приять, улица Ленина,

27 апреля 1986 года

Сергей Андреевич помог старушке забраться в автобус. Та вместо «спасибо» вырвала свою сумку у Елизарова так, будто он собирался ее присвоить себе.

«Я всего лишь хотел помочь», – подумал он, но так ничего и не сказал.

Выдохнул, глядя в небо.

Последний день в городе внезапно навалился на чиновника всей тяжестью. И если утром мучил только шейный остеохондроз, то сейчас, казалось, все суставы стонали от непомерной нагрузки – типа груз ответственности, да?!

«Еще бы. Эвакуировать целый город – это вам не шутки», – успокоил Елизаров сам себя и улыбнулся Катюше, которая уже забралась в автобус. Дочка предпочла отвернуться.

Вздыхнул.

– Это последние, – проинформировал милиционер, подводя к автобусу пожилую пару.

Те, в отличие от предыдущей старушки, даже выразили благодарность:

– Спасибо, что помогли сумки донести, отключить свет да газ – вдруг, пока нас нет, затопим соседей...

– Это вам участковому надо говорить спасибо, не мне! – улыбнулся Елизаров.

Но милиционера уже и след простыл – у них нынче много работы: город успели наводнить мародеры.

«Даже радиации, уроды, не боятся!!! Тащат все, что плохо лежит».

А ведь Елизарову еще предстояло вернуться в Припять, когда доставит эвакуирующихся к пункту назначения. В городе остались работающие предприятия. Коммунальные службы, например. Пока никто не знал, будут ли отключать электричество и воду насовсем, поэтому надо следить за бесперебойным функционированием сетей. И пусть это не совсем его, Елизарова, обязанности – у него будет и много профильной работы: из города ведь выехали далеко не все. Замглавы уже сообщили, что часть пенсионеров предпочли остаться в Припяти. Одна бабуля так вообще клюкой прогнала милиционеров из дома, а ведь жила в пригороде – намного ближе к ЧАЭС.

Этим всем придется заниматься по возвращении.

Может, к тому времени появится точная информация об аварии и ее жертвах. В морге Елизаров уже столкнулся с теми, для кого ликвидация последствий аварии стала последним в жизни испытанием. На живые трупы было страшно смотреть – словно мертвые восстали из могил.

Мимо проскочил парнишка, одетый в черную футболку. Светлые волосы, короткая прическа, о-очень скуластый подбородок, словно мальчишка тренировал мышцы жеванием. Такого сложно не узнать...

– Максим! – выдохнул Сергей Андреевич.

Парень промелькнул мимо удивленной Кати и, демонстративно не обращая на нее внимания, прошел по салону автобуса и занял место на заднем сиденье.

– Это все? – спросил у Елизарова водитель.

– А? Что?

– Все, говорю?

– Да-да, все... сейчас посмотрю список. – Елизаров пробежался по листу, в котором, естественно, Максим Губин даже не значился. Кивнул. – Да, можно отправляться.

– Отлично! – кивнул водитель. При этом лицо напряженное, из ноздрей валит дым. Курил он вообще без остановки – одну сигарету за другой.

– Трогаем! – распорядился Елизаров и зашел в салон.

Двери закрылись. Автобус закрихтел, набирая скорость.

Сергей Андреевич сел к Кате – та оглядывалась, разыскивая глазами Максима.

– Он здесь! – вздрогнула она.

– Да, знаю, – ответил отец. – И – задам ему по первое число!

– Папа-а!

Елизаров как раз встретился взглядом с Максимом, но тот поспешил отвести глаза. Сделал вид, что разглядывает пейзаж за окном.

– Хорошо-хорошо, я аккуратно... – буркнул Сергей Андреевич и тоже повернулся к окну: времени на разборки – вагон. Успеть бы выехать из ставшего вдруг опасным родного города.

Они еще не знали, что им суждено остаться в нем навсегда.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
окрестности базы «Звезда», наши дни*

– Надо бросать бэтээр – дальше пешком, – сказал я, когда мы остановились в лесу, чтобы справить малую нужду.

– Аг-га, – ответил Пух, застегивая ширинку.

– Боливар добросит. – Я кивнул на мутанта, который прилег у дерева. Видок у того беззаботный, будто у дворяжки на выгуле. И только кровоподтеки на морде указывали на то, что еще недавно он перекусывал людьми.

– Обратно к-к те-тебе? – спросил толстяк. Потом понял, что сморозил глупость. – Н-не, т-там же одни раз-развалины те-теперь. Та-так к-куда мы?

– Надо залечь на дно, а заодно и расспросить нашего пассажира... – И только я это произнес, как раздался выстрел.

Выстрел внутри БТРа!

– Вот черт! – Я бросился к бронемашине, Пух едва поспевал за мной.

Открыл люк и сразу же увидел картину произошедшего – свидетель использовал автомат Пуха, чтобы совершить самое эпичное самоубийство из всех возможных в условиях замкнутого пространства. Казалось, кровью теперь залито все – и стены, и сиденья, и даже руль.

– Тво-твою ж ма-мать! – выдохнул заглянувший следом сталкер.

– И кто просил тебя оставлять оружие в бэтэере? – спросил я напарника.

– Я ж-же не-не з-знал, что-что так в-вот все и во-вообще...

– Ч-черт! – Грохнул я кулаком по броне.

И что делать дальше – непонятно. Свидетель был единственным ключом к разгадке появления таинственного автобуса.

Я влез в салон и, осторожно ступая по лужам крови, достал автомат и передал оружие Пуху:

– Больше не теряй!

– И что теперь? – спросил растерянный толстяк.

– Теперь точно придется бросить бэтээр. Или ты хочешь все тут прибрать?

Пух аж сглотнул.

– То-то же... Заложим на дно, а там уж и будем думать, – я не спешил вдаваться в детали. Говорить о том, что Пуху в моем плане места нет, пока не хотелось.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
Периметр, наши дни*

Череп посмотрел на лежавшую на столе карту. Кроме него в кабинете никого – и не надо, ни к чему подчиненным знать, что именно они ищут. И так слишком много лишних разговоров в команде, а для организации, которая занимается внутри Периметра тайными операциями, среди которых в том числе и устранение неугодных властям лиц, лишние слухи совершенно ни к чему.

Нашел базу «Тень» – от нее отмерил линию до места прошлого явления автобуса. Тогда при странных обстоятельствах исчезла практически целиком база «вольных» сталкеров. От нее провел линии до предыдущих мест, где видели ЛАЗ.

Получалась перевернутая звезда.

Точно! Отсутствующий пятый угол – и есть следующая точка явления автобуса.

Череп прикинул примерно расстояние до точки – меньше часа лету.

Но надо подготовиться. На этот раз автобус не должен уйти!

Череп сделал вдох-выдох, собираясь с мыслями. У него не было сомнений, что Сокол, сопоставив все данные, тоже поймет, где стоит ждать автобус.

Это даже к лучшему – там военстал его и пристрелит. Раз уж на «Звезде» не вышло. Кстати, насчет «Звезды» – место убитого Грача занял товарищ Родин, который давно был у Черепа под колпаком и получал солидные деньги за протекцию и информацию. Теперь можно даже объединить силы с «красными» для грядущей операции.

Нужно найти автобус и уничтожить Сокола, пока он не разгадал тайну загадочного ЛАЗа.

Череп выдохнул и начал прикидывать план операции, которая должна стать решающей для его миссии в Зоне.

Глава 5

Замкнутый круг

*Окрестности Припяти,
27 апреля 1986 года*

– Хочешь пить? – спросил Сергей Андреевич, протягивая дочери термос. Налил утром чаю – как знал, что пригодится.

Дочка отвернулась. Ожидаемо. Все еще дуется.

– Ладно, посиди здесь, а я к Максиму схожу, поговорю!

– Па-па! – Катя будто очнулась, стоило ему упомянуть имя парня.

– Что папа?! – Елизаров развел руками. – Ты мне ничего не рассказываешь, надо же мне хоть у кого-нибудь узнать, что происходит.

– Зачем?

– Зачем?! – Сергей Андреевич вспыхнул. – Я вообще-то замглавы администрации и должен знать, что происходит в *моем* городе.

– Пап, ты и раньше не знал, что происходит в твоём городе...

– Что значит не знал?

– Пап, даже про Максима я тебе сама рассказала...

– Но я... я догадывался.

– Да у тебя по лицу было видно, что ты ничего не знал, пока я тебе не сказала.

– Я... – Елизаров покраснел, но крыть было нечем – Катя права. Он постоянно так занят делами города, что просто времени не оставалось на семью. Даже заботу о жене и новорожденном сыне и то сбавил водителю – хорош, блин, отец семейства!

«Как они там, интересно? Вот бы были телефоны, позволяющие без проводов разговаривать, прямо из автобуса. То-то было бы здорово, услышишь голос по телефону – и ни о чем не беспокоишься. Знаешь, что все в порядке».

– Пап, не надо...

– Я должен! – Елизаров сжал кулаки. – Просто поговорю – и все. Я на него даже давить не буду!

– Обещаешь?

– Обещаю! – ответил Сергей Андреевич.

Дочь взяла из рук отца термос и, обхватив тару двумя руками, начала нервно потягивать чай. Елизаров поднялся и пошел через салон к заднему сиденью.

По пути увидел продавщицу из продуктового магазина. Ольга Алексеевна. Улыбнулся ей. Сделал вид, что пересчитывает пассажиров.

Максим уже заметил, что чиновник идет к нему. Съежился в кресле. Парень и так-то тощий – и что дочка в нем нашла? – а тут совсем уменьшился в размерах. Казалось, на сиденье примостилась мумия. Выглядел пацан неважно – темные мешки под глазами. Не по годам.

– Привет, Максим!

– Что вам надо? – буркнул парень.

– А что же так невежливо-то? Тебя разве не учили в школе, как со старшими нужно разговаривать?!

Парень не ответил – сделал вид, что смотрит в окно.

– Хорошо! Можно мне рядом присесть?

Нет ответа.

– Отлично. Молчание – знак согласия, – мотнул головой Елизаров.

Максим буркнул что-то нечленораздельное. Даже не подвинулся, когда чиновник садился рядом, поэтому Елизарову пришлось разбудить мужичка, закемарившего на рюкзаке. Тот ничего не сказал – переставил рюкзак на колени и дальше завалился спать.

Рев мотора заглушал разговор – Сергей Андреевич мог и не опасаться, что кто-то их подслушает.

– Я хотел поговорить с тобой о моей дочери, – начал Елизаров. – О Кате.

Парень аж вздрогнул при упоминании имени. Сергею Андреевичу даже показалось, что Максим прямо сейчас расплачется.

«Неужели и правда так переживает? С чего бы это? Любовь-морковь? Или знает, что виноват?»

– О Кате?!

– Да, о ней. Ты знаешь, где я ее сегодня нашел?

– Нет, – ответил парень, так и не повернувшись.

– На крыше я ее нашел. Она чуть не сиганула вниз. И она бы прыгнула – если бы я ее не поймал...

Елизаров взял парня за локоть, но Максим силой вырвался из хватки.

– Послушайте, я ничего не знаю... – затараторил пацан, – я ей не говорил этого делать... я....

В уголках глаз Максима блеснули слезы.

«Ерунда какая – мал еще для таких чувств», – подумал Елизаров и продолжил:

– Катя сказала, что ты с ней того, порвал... Сказал, что вы больше не будете встречаться...

– Ну да... эвакуация же... я ей говорил, но она мне не поверила... Она сказала, что я вру. Что ничем не лучше папочки...

Тут парень замолк – мешки под глазами стали еще темнее. Отвернулся.

– Да, именно это она мне и сказала... А еще она сказала, что ты попал в беду, большую беду!

– Нет у меня никаких бед! Слышите? Нет! – выкрикнул Максим нарочито громко, так, что мужичок с рюкзаком открыл глаза и посмотрел на них.

– Тише ты... – шикнул чиновник на пацана.

– А то что?

– А то высажу тебя из автобуса.

– Не посмеете.

– Еще как посмею. И не посмотрю, что ты – малолетка.

– Вас засудят.

– Если будет кому свидетельствовать в суде.

– Вы... – начал парень и вдруг замолк.

Елизаров выдохнул.

– Прости. Извини меня. Я что-то слишком завелся. Перегнул палку, бывает. Конечно же, я тебя никуда не высажу. Ты прав. Извини меня!

Парень молчал.

– Давай начнем заново – я хотел спросить тебя, что такого случилось, из-за чего моя дочь была готова убить себя? Что это такое вообще может быть?

Лицо парня исказила гримаса ужаса. По щекам текли слезы.

– Я этого не делал... я... когда я пришел... уже все! – Слова Максима тонули в слезах.

– Чего не делал?

– Так вы... вы не знаете?

– Чего я не знаю?

Максим отвел взгляд.

– Пусть все мертвое останется в мертвом, – произнес он, глядя на город, исчезающий позади. За окном мелькнул знак с перечеркнутой надписью «Припять».

Лицо подростка стало похоже на стальную маску – ноль эмоций. Дальше разговаривать он был не намерен.

Сергей Андреевич еще какое-то время смотрел на парня, а потом выдохнул – и двинулся обратно к дочке. Суставы стонали – как мачты корабля перед бурей.

«Перед бурей – хорошее сравнение», – подумал чиновник.

Что-то страшное надвигалось, Елизаров это чувствовал, но остановить был не в силах. Только плыть по течению. Прямо в эпицентр шторма.

* * *

*Чернобыльская зона отчуждения,
окрестности села Новошепеличи, наши дни*

Пух вздохнул.

Сокол снова его бросил. На этот раз – возле кладбища. До этого они прошли через бывшее село Новошепеличи, на существование которого указывали черные, перекошенные избы, наполовину заметенные снегом. Казалось, из каждой такой на сталкеров смотрел мертвец – жуткое зрелище.

Но кладбище за селом – еще страшнее. Оно располагалось в глубине леса, небо сверху скрывали кроны деревьев. Так плотно, что образовывали собственное «небо» над могилами. И поэтому сугробов под ветками не так много – в принципе, можно пройти. Что Сокол и сделал.

Сказал, что «надо кое с кем повидаться». И только Пух успел рот открыть – Сокол уже скрылся среди могилок и ветвей. Как в воду канул.

Пух посмотрел на Боливара, который нынче привязан к кладбищенской ограде. Но медведь на этот раз никак на сталкера не реагировал, даже уши прижал.

Пух потоптался на месте, похлопал руками – мороз крепчал. Нынешняя зима была слишком суровой для здешних мест. Все-таки не север, чтобы под тридцать градусов сразу – или сколько там нынче?! А на Новый год в Зоне часто бывало так, что даже дождь шел вместо снега.

Но нынешней зимой *все стало намного хуже* – Пух это чувствовал. Он пытался прогнать страх, но слишком уж долго не возвращался Сокол.

«И вообще, кто у него там, на кладбище? Какой-нибудь дальний родственник? Он рассказывал, что мать умерла почти сразу после рождения, а потом родня отдала Сокола в детдом. И все – больше из напарника ни слова нельзя было вытащить. Сразу замыкался в себе».

– Сокол!!! – позвал Пух.

Ответом стал скрип. Сталкер не сразу сообразил, что скрипит качающийся на ветру крест.

– Со-окол! – крикнул он громче.

Медведь даже не посмотрел на толстяка, когда тот заорал – уставился на кладбище, будто там стоял плазменный телевизор с каналом о жизни диких животных.

«Черт! Придется ведь сходить – проверить. Вдруг что?..»

«И чем ты ему поможешь? Вдруг его мутанты уже сожрали?»

«Какие мутанты, ты о чем?»

«А о том – вблизи даже аномалий нет, а это верный признак того, что рядом могут обитать живые существа. *Или мертвые*».

Последняя мысль Пуху не понравилась, поэтому он поспешил выкинуть ее из головы.

«Была не была, схожу», – и двинулся по следам Сокола. Как только зашел на территорию кладбища, свисающие ветки скрыли с головой. Сразу стало темно, как ночью.

– Сокол, ты здесь? – снова позвал Пух. Очень-очень тихо, будто боялся, что из могилы восстанет мертвец.

Тень качнулась справа – толстяк сразу вскинул автомат. Прицелился – блин, это просто ворона!

«И чего этим тварям надо? Тут ведь никто не бывает – село рядом заброшено, еды все равно нет...»

«Может, такие сталкеры, как Пух, и есть еда?!»

Опять паршивая мысль, на которую тело парня отреагировало выплеском адреналина в кровь и испариной. Захотелось обтереться сухим полотенцем, но его и в Зоне днем с огнем не найти. Не то что здесь, на кладбище.

И тут Пух увидел Сокола – тот стоял на коленях.

Спиной к нему.

– Сокол, ты чего?

Напарник не отвечал.

Тогда Пух подошел поближе и положил руку Соколу на плечо. Сталкер, стоящий на коленях, вздрогнул, обернулся. На щеках сверкали уже застывшие на морозе слезинки.

– Я же сказал оставаться у входа... – процедил Сокол.

Пух наконец увидел надгробие.

«Елизарова Виктория Андреевна». И дата смерти – 5 мая 1986 года.

«Боже, это же его мать, – понял Пух. – Она совсем немного прожила с момента аварии. Неделю всего!»

– Это твоя мама, да? – спросил толстяк, присаживаясь на корточки рядом с напарником.

Тот даже не вспыхнул, просто кивнул:

– Я нечасто сюда прихожу, хотя надо бы. Это же совсем рядом, но...

– Тебе больно вспоминать?

Сокол посмотрел на толстяка, будто впервые его увидел:

– Больно от того, что она так и не узнала правды.

– Правды об отце и сестре? – спросил Пух.

Сокол кивнул:

– Даже я до сих пор не узнал правды. Даже не приблизился к ней... Я пытался, правда пытался. Да ты и так знаешь, но каждый раз, когда автобус был рядом, он почему-то ускользал от меня. А мама... она почти сразу угасла, как только сообщили, что автобус исчез. Точнее, не так – говорили же «пропали без вести». А для условий Чернобыля это то же самое, что погибли. У нее случился инсульт, потом инфаркт – и, короче, так и не откачали...

– Ты мне об этом не рассказывал... – сказал Пух, коснувшись плеча Сокола. Тот отстранился:

– А зачем? Меньше знаешь – крепче спишь...

– Разве ты сейчас не хочешь узнать правду?

– Хочу... – ответил Сокол, поднимаясь. Он подошел к могилке и поправил искусственный цветок, которому бог знает сколько лет. Весь выцвел. – Ты знаешь, что тело матери привезли сюда, в Новошепеличи, втайне? Никто не знал. У отца был брат – крупный чиновник. Он все устроил, как она хотела. Перед смертью мама так и сказала: если умру – похороните меня там, где смогу их увидеть. В Зоне. Так она и сказала. Я раньше не понимал смысл этих слов, а теперь понимаю – она ошиблась.

– Что ты понимаешь?

– Что искать папу с сестрой надо не здесь... Не в Зоне...

– А где?

Сокол не ответил. Зашагал к выходу с кладбища. Пух не хотел ни секунды оставаться в этом страшном месте один, поэтому поспешил следом за человеком, которого считал напарником.

– Где искать-то?

– Нигде... Тебе – нигде. Ты останешься в надежном месте. Скоро мы там будем. Там безопасно, а дальше я пойду один.

– Но, Сокол...

– Никаких но. Я уже все решил. *Это мой крест, и мне его нести.*

Пух хотел что-то ответить, но Сокол уже исчез среди ветвей. Пришлось догонять.

* * *

Местонахождение не определено,

27 апреля 1986 года

– Пап, а откуда такой туман? – спросила Катюша («Ладно, хоть отвлеклась от мыслей об этом своем Максиме, и то хорошо»). – Он же вроде образуется, когда земля теплая, а воздух холодный. Из-за разницы температур.

– Ну да, – буркнул Сергей Андреевич, с трудом вспоминая информацию из школьного курса о природных явлениях. Хотя сам же о них дочке и рассказывал. Когда-то давно. В другой жизни. – Да, вроде так.

– А разве сегодня было холодно? – спросила девочка и вдруг поежилась.

– Сегодня... – Сергей Андреевич не договорил, потому что изо рта вырвалось небольшое облачко пара.

В ноздри, несмотря на бензиновый угар, ударил запах морозного утра, хотя какой, на фиг, мороз?! Апрель же на дворе! Это же Украина, житница СССР, а не Антарктида, в конце-то концов!

– Па-а, мне холодно, – пожаловалась дочка. Сергей Андреевич оглянулся по сторонам. Весь автобус начал активно кутаться. Соседи сразу заворчали на водителя, чтобы печку включил. Неужели никому не пришло в голову, что не может быть минусовой температуры в апреле?! Да блин! В Припяти некоторые уже загорали накануне аварии, а тут... мороз!

– Вот, укройся. – Елизаров протянул дочке ветровку – единственное, что было теплого из одежды. Катя ей накрылась, продолжая высматривать наползающий на дорогу туман за окном. Он постепенно скрывал все вокруг – даже ветви ближайших деревьев.

Елизаров выглянул в проход. В лобовом стекле ничего не видно – даже габаритных огней предыдущего автобуса.

Чиновник встал, подошел к водителю:

– Что-то случилось?

– Не-не знаю, – ответил тот. – Не вижу колонны. Но я вроде еду прямо. Никуда не сворачивал.

Губы водителя затряслись, он пошарил по карманам. Нашупал пачку сигарет, потом спросил у чиновника:

– Можно?

Елизаров кивнул:

– Только форточку отвори! Если что – я прикрою.

Водитель достал сигарету, прикурил, затянулся.

– И как долго ты их не видишь? – спросил Сергей Андреевич.

– Так вот, как этот туман напозл проклятуций – ни черта не видать. Может, с полчаса. Или больше...

– Никуда не сворачивал?

– Нет! Едем все прямо, тут даже отворотов нигде нет. Уже КПП должен быть, по идее, но его нет.

Елизаров оглянулся – из салона на него уставились десятки испуганных глаз. Люди кутались в одежду.

– Странно все это!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.